Льюис Кэрролл

Дневник путешествий в Россию

Пища для ума

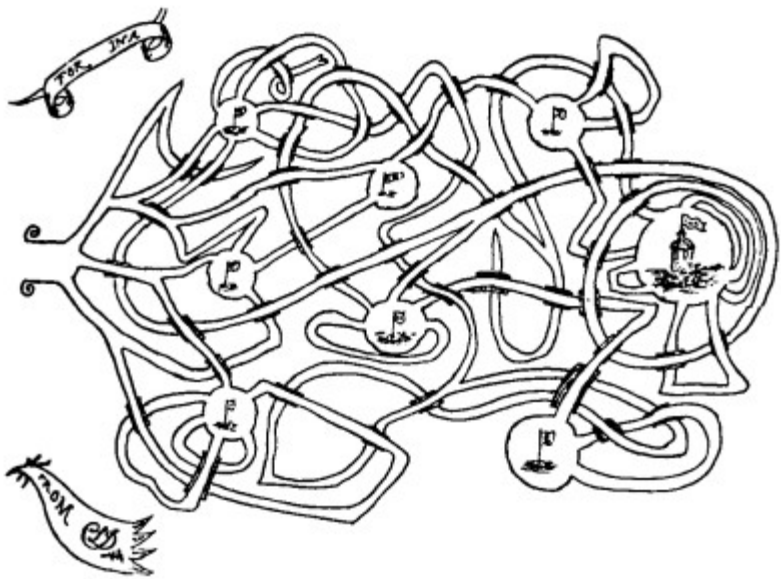
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Льюис Кэрролл (он же Чарльз Лютвидж Доджсон) очень любил логику и математику. Кроме того, его всегда притягивало то, что лежит у крайних пределов логического мира, позволяет заглянуть за грань здравого смысла и рационального. Не исключено, что именно потому, написав «Алису в Стране Чудес» — знаменитую книгу о девочке, которую любопытство завело в безумный подземный мир, — Кэрролл отправился путешествовать в Россию.

-
-
- Льюис Кэрролл. Дневник путешествия в Россию в 1867 году
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

Гарри Фернисс
Портрет Льюиса Кэрролла



Льюис Кэрролл. Дневник путешествия в Россию в 1867 году

12 июля (пт.).

Мы с султаном прибыли в Лондон почти одновременно, хотя и в разные его части — я прибыл через Паддингтонский вокзал, а султан через Чаринг-Кросс: должен признать, что самая большая толпа собралась именно в последнем пункте. Третьим центром притяжения общественного внимания был Мэншн-Хаус, где чествовали добровольцев, отправлявшихся в Бельгию, и откуда, примерно около шести часов, в восточном направлении отправился непрекращающийся поток омнибусов, груженных героями. Это здорово задержало мой поход по магазинам, и я выехал с Чаринг-Кросс в Дувр только в восемь тридцать и по прибытии в «Лорд Уорден» обнаружил, что Лиддон уже на месте.

13 июля (сб.).

Мы позавтракали, как и договаривались, в восемь,— по крайней мере в это время мы сели за стол и принялись клевать хлеб с маслом, пока не подали отбивные, каковое великое событие состоялось примерно в половине девятого.

Мы попытались жалобно воззвать к слонявшимся вокруг официантам, которые успокаивающим тоном сообщали нам, что «они уже идут, сэр»,— тогда мы выразили решительный протест, и они стали говорить, что «они уже идут, сэр», более оскорбленным тоном; после всех этих призывов они удалялись в свои норы и прятались за буфетами и крышками для блюд, а отбивные все так же не появлялись.

Мы пришли к общему мнению, что из всех добродетелей, которые может продемонстрировать официант, застенчивость и склонность к уединению менее всего желательны. Затем я сделал два грандиозных предложения, оба из которых были отвергнуты при первом же чтении: первое, что нам следует встать из-за стола и отказаться платить за отбивные, а второе, что мне следует найти хозяина и подать официальную жалобу на всех

официантов, что наверняка вызвало бы если не появление отбивных, то, по крайней мере, грандиозный скандал.

Однако к девяти часам мы оказались на борту парома, и после того, как на него загрузили содержимое двух поездов и на палубе возникла весьма удачная копия великой пирамиды, к каковому замечательному сооружению мы с гордостью присовокупили пару чемоданов, корабль отчалил. Перо отказывается описывать страдания некоторых из пассажиров в течение нашего девяностоминутного путешествия: мои собственные переживания вылились в мысль о том, что я платил свои деньги явно не за это. Бо́льшую часть пути лил сильный дождь, что создавало ощущение уюта в нашей отдельной каюте (мы были достаточно расточительны, чтобы на нее потратиться); мы находились в укрытии и в то же время на воздухе, поскольку каюта располагалась на палубе. Мы высадились в Кале и оказались в толпе дружелюбных аборигенов, предлагавших всевозможные услуги и советы: на все подобные замечания я отвечал одним простым словом: «Non!».

Вероятно, оно было не всегда уместно в строгом своем смысле, однако соответствовало задаче от них избавиться; постепенно они отстали от меня, эхом повторяя «Non!» с различными интонациями, в которых явно чувствовалась одна общая нота — отвращение. После того как Лиддон уладил вопрос с багажом и прочими делами, мы совершили прогулку по рыночной площади, которая была бела от женских шляпок и полна пронзительной трескотни их владелиц…

Поездка в Брюссель была пресной и монотонной; единственными архитектурными сооружениями на нашем пути, стоящими упоминания, были башня св. Омера и Турнейский собор с его пятью шпилями. На участке от Лилля до Турнея мы ехали вместе с одной семьей; у них было две девочки — шести и четырех лет, причем младшая на протяжении всего пути практически не закрывала рта. Я сделал набросок этого маленького создания; семья подвергла портрет пристальному изучению, а модель без всяких околичностей высказала свое собственное мнение (надеюсь, благосклонное). Когда они покидали вагон, мать снова послала ее к нам, чтобы она пожелала нам «Bon soir», а мы поцеловали ее на прощание.

В Бландене, на бельгийской границе, наш багаж вывалили из поезда, осмотрели,— точнее даже, заглянули в него одним глазом, и снова забросили обратно, и ничего за это не взяли,— это был первый осмотр в моей жизни, который я прошел совершенно бесплатно.

Затем до Брюсселя с немецкими попутчиками. Основным

моментом, который я отметил в окружающем пейзаже, было то, как посажены деревья — ровными рядами на протяжении многих миль; поскольку, как правило, все они наклонялись в одну сторону, то казались мне длинными колоннами уставших солдат, шагающих по равнине: некоторые были выстроены в каре, иные застыли по стойке «смирно», но большинство безнадежно брели вперед, сгибаясь на своем пути, словно под грузом призрачных вещмешков.

В Брюсселе мы разместились в «Отеле Бельвю» и после легкого ужина, «tre`s-simple»[1] и, соответственно, состоящего всего из семи блюд, мы вышли прогуляться и, услышав музыку, игравшую в городском саду, завернули туда: там мы просидели около часа, слушая замечательный оркестр, в окружении сотен людей, сидевших за маленькими столиками среди деревьев под ярким светом фонарей.

14 июля (вскр.).

В десять часов мы пошли в церковь Сен-Гюдюль, самую красивую в Брюсселе. Мне там не очень понравилось, потому что, хотя можно было бы принять участие в большей части церемонии, если бы что-нибудь можно было расслышать, расслышать удалось всего пару слов; кроме того, как правило, происходили одновременно две вещи: хор пел гимны и т. п., в то время как священник продолжал, совершенно независимо, вести свою часть службы,— и вся масса священнослужителей и проч. постоянно небольшими процессиями подходили к алтарю, буквально на секунду (ничтожно мало для молитвы или иного религиозного действа) преклоняли пред ним колена и снова возвращались на свои места.

Внимание к основным моментам службы привлекалось посредством пронзительного звона, который заглушал все остальные звуки. Некоторые из стоявших рядом с нами прихожан молились отстраненно, словно сами по себе (находившийся рядом со мной мужчина, стоя на коленях прямо на каменном полу, поскольку скамейки не было, шептал молитвенные слова, перебирая четки), некоторые просто смотрели, и все время входили и выходили люди. Я присоединялся к церемонии, когда удавалось догадаться, о чем идет речь, но даже с помощью Лиддона, который угадывал различные моменты службы, было очень трудно разобрать слова, и весьма мудрено было представить, что это служба, в которой паства должна принимать

участие,— создавалось впечатление, что она проводилась для них. Музыка была прекрасна, и размахивание кадилами создавало весьма живописный эффект — два мальчика, облаченные в алое и белое, стоявшие перед алтарем, синхронно кадили в такт музыке. Затем состоялась церемония, которая происходит только один раз в году, великолепное шествие с проносом «тела Христова» через весь город: мы наблюдали выход процессии и дождались ее возвращения, причем ждать пришлось не больше часа. Впереди двигался целый кавалерийский отряд! Затем последовала длинная вереница маленьких мальчиков, большинство из которых были одеты в алые и белые одежды, некоторые в венках из бумажных цветов, с флагами в руках, а некоторые с корзинами, полными обрезков цветной бумаги, которые они, наверное, разбрасывали на своем пути, — затем трогательная процессия маленьких девочек, одетых в белое, в длинных белых вуалях, затем поющие мужчины, священники и т. д., все в великолепных одеяниях и с флагами в руках, которые становились все больше и роскошнее, затем несли большую статую Девы Марии со святым младенцем, возведенную на пьедестал в форме полусферы, только более плоской и укрытой искусственными цветами, затем снова флаги, затем большой балдахин на четырех шестах, под которым шли священники, несущие гостию: многие из собравшихся людей опускались перед ними на колени. Это было, безусловно, самое великолепное зрелище, которое мне доводилось наблюдать, и оно производило чрезвычайно прекрасное впечатление, однако было ужасно театрализованным и неестественным.

Процессию наблюдали чудовищные толпы людей — многие тысячи, но все вели себя вполне организованно.

Днем Лиддон отправился навестить каких-то знакомых, а я решил прогуляться на Grande Place и хорошенько рассмотреть прекрасный «Отель де Виль»; говорят, что эта площадь — лучший образчик светской готической архитектуры в мире. Вечером мы пошли в английскую церковь, но оказалось, что служба уже состоялась днем.

15 июля (пн.).

В девять пятьдесят выехали в Кельн, куда прибыли (без каких-либо приключений) в четыре. Здесь багаж прошел второй досмотр, даже еще более поверхностный, чем предыдущий,— мой чемодан вообще не открывали. Мы провели около часа в

кафедральном соборе, который я не стану пытаться описывать, скажу только, что это самый прекрасный из всех храмов, которые мне доводилось видеть или даже воображать себе. Если можно представить дух набожности, воплощенный в какой-либо материальной форме, то воплощен бы он был именно в таком сооружении.

Вечером мы снова отправились на прогулку, перебрались на противоположный берег реки и смогли насладиться чудесной панорамой всего города. Это произошло после отличного ужина (все ужины и проч. до сих пор были такими же отличными) и бутылки rudescheimer, полностью соответствующего замечанию, которым наш жизнерадостный маленький официант представил его нашему вниманию, — «полагаю, это хорошее вино!». Поселились мы в гостинице «Дю Норд».

16 июля (вт.).

Мы совершили поход по нескольким церквям, в результате чего у меня не осталось очень четкого представления ни об одной из них. Это были: «Церковь св. Урсулы и одиннадцати тысяч девственниц», чьи мощи покоятся в ящиках, закрытых стеклом, через которое их едва можно рассмотреть;

«Св. Гереон» — еще один склеп с любопытным десятигранным куполом, «Апостольская церковь», «церковь св. Петра» с запрестольным образом работы Рубенса, изображающим распятие св. Петра (рядом мы обнаружили дом с табличкой, подтверждающей, что в нем родился Рубенс), «Св. Марии в Капитолио».

В половине второго Лиддон пошел в табльдот, а я воспользовался этой возможностью и вернулся в Апостольскую церковь, чтобы поприсутствовать на свадебной церемонии. Там было довольно много людей, а также немало детей, которые бегали по церкви как им заблагорассудится, однако делали это тихо и совсем не так, как английские дети. Все гости находились внутри ограждения, где они стояли на коленях (все время) за переносными столиками.

Служба, как мне кажется, началась с молитв, вопросов и ответов, затем священник, удобно опершись на престол, закрыл свою книгу и произнес длинную речь, судя по всему, экспромптом, после чего помахал над ними чем-то похожим на сосуд со святой водой.

Затем служка принес и положил на престол книгу с пером и

чернильницей, и священник долго вносил в нее какие-то записи, в течение какового времени к нему подошли два господина и начали что-то ему нашептывать,— наверное, давали свои имена в качестве свидетелей, затем священник слегка поклонился гостям и новобрачным, и все закончилось. Когда я совершал экскурсию по церквям, меня очень поразило количество людей, которые молились как бы сами по себе. В одной из них три женщины исповедовались в трех разных исповедальнях одновременно: они закрывали лица ладонями, а священник держал перед лицом носовой платок, но занавесок не было. Весьма примечательно количество детей, которые, похоже, самостоятельно пришли помолиться: у некоторых из них были молитвенники, но не у всех — большинство из них, кажется, смотрели на нас, когда мы проходили мимо, но вскоре снова возвращались к молитве и по одному вставали и выходили, явно приходя и уходя, когда им этого хотелось. Я не заметил, чтобы это делали мальчики или мужчины (хотя на воскресной службе в Брюсселе их было много) … Днем мы поднялись на вершину собора и смогли насладиться великолепным видом города с его морем белых стен и серых крыш и многомильной лентой Рейна. Мы договорились, что попробуем совершить поездку в Берлин ночью, и, соответственно, сели в поезд в семь пятнадцать вечера и прибыли в Берлин около восьми утра. Сиденья в вагоне вытягивались, и из-них получалась весьма недурная постель, кроме того, лампа была снабжена абажуром из зеленого шелка, который можно было опустить, если мешал свет, и нам удалось весьма комфортно провести ночь, хотя должен с сожалением заметить, что Лиддон не спал.

17 июля (ср.).

В Берлине, когда мы хотели взять кеб (который здесь называют droschky), чтобы добраться до «Отель де Рюсси», нам дали билет с номером, и мы были вынуждены взять кеб с этим номером на стоянке — правило, которое в Англии не стали бы долго терпеть. В течение дня мы осмотрели великолепную конную статую Фридриха Великого (работы Рауха) и знаменитую «Амазонка и тигр» (Кисса) и посетили две картинные галереи, по которым пронеслись в большой спешке,— нужно будет обязательно осмотреть их более обстоятельно, если получится. Мы пообедали в три, за табльдотом (не забыть: что «potage a la Flamande» означает бульон из баранины, что утку едят с вишнями и что во время трапезы не принято спрашивать чистые вилку и

нож), а вечером мы гуляли по городу и, обнаружив, что в церкви св. Петра (евангелической) проходит служба, зашли и в течение двадцати минут слушали весьма беглую, произнесенную экспромптом проповедь на немецком языке: проповедник закончил длинной импровизированной молитвой и «Отче наш», затем поднялся (и вместе с ним все присутствовавшие) и, распростерши руки, благословил паству, затем грянул орган, проповедник удалился, и прихожане снова сели и стали петь длинный и очень мелодичный гимн.

18 июля (чт.).

Мы нанесли второй, более длительный визит в огромную картинную галерею (в которой представлены 1243 картины), организованную великим критиком и искусствоведом Ваагеном.

Впрочем, в его каталоге содержится мало критицизма (если таковой вообще имеется): он просто перечисляет то, что изображено на каждом полотне. Сюжет большинства картин взят из Священного Писания, и там много «Мадонн с младенцем», выполненных в самых разнообразных стилях: на многих из них присутствует и св. Себастьян (уже пронзенный стрелами), на некоторых Мария поставила младенца на землю и преклоняет пред Ним колена в молитве, а на одной, замечательном образце живописи, Иосиф представлен спящим, с ангелом, который нашептывает ему на ухо. Есть прекрасная картина с изображением Вавилонской башни, с тысячами фигур, еще одна с Эдемским садом, со множеством всевозможных зверей и птиц, и несколько, хорошо знакомых по гравюрам произведений, таких, как искушение св. Антония. Одно из самых замечательных по своей завершенности произведений, которые мне доводилось видеть, это триптих Ван Вейдена, представляющий сцены после смерти нашего Господа,— на одной, где Мария плачет, каждая слеза являет собой тщательно выписанную полусферу со своим собственным бликом и собственной тенью; на полу лежит раскрытая книга со слегка истрепанными страницами, и одна из застежек свисает так, что тень от нее ложится на края страниц, и, хотя тень эта длиной всего около дюйма, там, где пространство между страницами самое маленькое, художник очень тонко показал, что тень уходит под нижний лист. Если смотреть на все картины в общем, то возникает особенное ощущение красоты, но едва ли можно выбрать какую-либо картину, где несколько более внимательное изучение не раскрывает чудеса исполнения.

Понадобилось бы много дней, чтобы приблизительно оценить по достоинству все собрание. После табльдота пошел сильный дождь, и мы смогли совершить только короткую прогулку и посмотреть на церковь св. Николая.

19 июля (пт.).

Мы встали (с помощью будильника) в половине седьмого и вскоре после половины восьмого позавтракали.

Утром мы посетили церковь св. Николая, в которой я обнаружил новый для меня элемент интерьера — придел, полностью отделенный перегородкой и расположенный вдоль алтарного выступа в восточной части храма, за кругом колонн, в то время как алтарь находился внутри круга, с обычным нагромождением мраморных деталей.

Перегородка была увешана старыми картинами (в основном на библейские темы), каждая из которых — дань памяти о каком-либо усопшем. Здесь же мы увидели гробницу Пуффендорфа. Отсюда мы направились в Шлосс, или Королевский дворец, где нас вместе с толпой других экскурсантов провели по анфиладе роскошных покоев, показав также большую круглую часовню: все, что можно было покрыть позолотой, было позолоченным.

Парадная лестница, по которой мы вошли, была сделана не ступеньками, но представляла собой нечто вроде пологой мощеной улицы, напомнившей мне некоторые из улиц Уитби, но после того, как мы осмотрели помещения и заплатили гиду, на нас перестали обращать внимание и оставили выбираться самим по винтовой черной лестнице среди ведер и рабочих, производивших ремонт,— отсюда вытекает глубокая мораль, начинающаяся словами: «Такова княжья доля…». Остальную часть утра мы посвятили двум картинным галереям.

После ужина мы поехали, на крыше омнибуса, в Шарлоттенсбург (примерно в четырех милях к западу), по дороге насладившись грандиозным панорамным видом Унтер-ден-Линден. Там имеется еще один дворец и несколько весьма милых кусочков улицы, но единственная действительно достойная внимания вещь — это часовня, в которой похоронена принцесса[2]. Ее гробница представляет собой тонко выполненную из мрамора статую, лежащую на кушетке,— чрезвычайно восхитительный эффект создается с помощью фиолетового стекла, вставленного в некоторые из окон на крыше, что придает мрамору неописуемую мягкость и впечатление нереальности.

Вечером мы гуляли по городу и посмотрели на синагогу, которую, как нам сказали, стоит посмотреть,— это нам сообщил один господин из Нью-Йорка, с которым (и с его женой) мы познакомились за табльдотом и которые, похоже, весьма приятные люди. Они приехали сюда, не зная ни слова по-немецки, и поэтому пребывание здесь для них оказалась довольно сложным испытанием.

20 июля (сб.).

Мы начали день с посещения синагоги, где, как оказалось, проходила служба, и оставались там до ее окончания: все для меня было совершенно новым и чрезвычайно интересным. Само здание весьма роскошно, почти весь интерьер внутри украшен позолотой или другими материалами, почти все арки полукруглые, хотя было несколько той формы, которую я здесь нарисовал[3]; восточная сторона закрыта круглым куполом, и в ней еще есть купол поменьше на колоннах, под которым находится шкаф (скрытый за шторой),— в нем хранится свиток Закона, перед шкафом стоит аналой, повернутый на восток, а перед аналоем еще один маленький аналой, повернутый на запад, — [за время службы] последний использовался только один раз.

Остальная часть помещения оснащена открытыми скамьями. Мы последовали примеру прихожан и остались в головных уборах. Многие из них, заняв свои места, достали из вышитых сумок белые шелковые шали, которые надели на головы, сложив их вчетверо: эффект был весьма необычен — верхний край шали был украшен чем-то вроде золотой вышивки, но на самом деле, вероятно, был филактерией. Время от времени эти люди поднимались и читали отдельные части уроков. Все читалось по-немецки, но значительная часть распевалась на иврите под прекрасную музыку: некоторые из песнопений пришли из очень давних времен, возможно, еще со времен Давида.

Главный раввин и сам много распевал, без музыки. Прихожане попеременно вставали и садились: я не заметил, чтобы кто-нибудь из них стоял на коленях.

День мы провели в Потсдаме, городе дворцов и садов. Новый дворец (где живет наша собственная наследная принцесса) был еще более великолепным, чем берлинский Шлосс. Здесь мы увидели покои Фридриха Великого, его письменный стол, стул с обивкой, практически изорванной на клочки когтями его собак, и т. п. Мы также посетили церковь, в которой находится его

гробница — простая и без какой-либо надписи, в соответствии с его волей. Жемчужина Потсдама — «Сан-Суси», его любимый дворец: мы бродили по садам, разбитым в старом формальном стиле, с прямыми аллеями деревьев, расходящимися от центра, и чрезвычайно красивой серией расположенных террасами садов, возвышающимися друг над другом, и со множеством померанцевых деревьев. Количество произведений искусства, которыми щедро одарен Потсдам, необычайно; некоторые из дворцовых крыш были похожи на целые леса пьедесталов.

По сути дела, мне представляется, что два основных принципа берлинской архитектуры состоят в следующем: «На крышах домов, там, где имеется подходящее место, устанавливать человеческую статую; лучше всего, чтобы при этом она стояла на одной ноге. Везде, где имеется свободное место на земле, устанавливать или круглую композицию из группы бюстов на пьедесталах, проводящих совещание, все лицом внутрь круга, или же колоссальных размеров фигуру человека, приготовляющегося умертвить или уже умертвляющего (последнее предпочтительнее) зверя; чем больше в звере дырок, тем лучше,— собственно, правильнее всего использовать для этого дракона, но, если это выше способностей художника, он может удовлетвориться львом или свиньей».

Принцип звероубиения соблюдается повсюду с нескончаемым однообразием, из-за чего многие части Берлина выглядят как окаменелая бойня. Потсдамская экспедиция заняла шесть часов.

21 июля (вскр.).

Лиддон отправился на немецкую службу в Dom-Kirche. Я посетил единственную английскую службу (утреннюю) в помещении, снятом для этой цели, во дворце Монбижон. Пока Лиддон был на вечерней службе, я погулял в Люст-Гартене, где небольшие группы людей сидели на скамейках и ступенях Музея и играли дети: любимым их развлечением было плясать, держась за руки и двигаясь по кругу, лицами наружу; при этом они напевали песенку, слова которой мне не удалось разобрать. Один раз они увидели большого пса, который лежал поблизости, и сразу же окружили его и начали танцевать и петь ему свою песенку, для этой цели расположившись лицом к нему; судя по всему, пес был явно озадачен этой новаторской формой увеселения, но вскоре решил, что терпеть это невозможно и следует сбежать любой ценой.

Я также познакомился с весьма приятным немецким господином, который слонялся без дела так же, как и я, и немного с ним побеседовал: он с чрезвычайным благодушием пытался понять, что я имею в виду, и помогал мне составить фразы на том, что можно было бы назвать очень плохим немецким, если бы это вообще заслуживало названия немецкого. Тем не менее немецкий, на котором я говорю, примерно так же хорош, как и тот английский, который я слышу,— сегодня утром за завтраком, когда я заказал холодной ветчины, официант, принеся остальной заказ, перегнулся через стол и сообщил мне конфиденциальным шепотом: «Я приносить холодный ветчина через минуты».

В десять пятнадцать мы выехали в Данциг, куда добрались в весьма сносном состоянии в десять утра.

22 шюля (пн.).

Мы провели остаток дня, осматривая Dom-Kirche и исследуя остальную часть этого фантастического и необычайно интересного старого города.

Улицы узки и извилисты, дома очень высоки, и почти каждый из них увенчан причудливо украшенным фронтоном со множеством странных изгибов и зигзагов. Побывав в Dom-Kirche, я получил огромное удовольствие. Мы провели в этой церкви около трех часов и еще час на вершине колокольни, высота которой составляет 328 футов и с которой открывается чудесный вид на старый город, излучины Молдана и Вистулы и бесконечное пространство Балтийского моря. В церкви мы увидели великолепную картину работы Мемлинга, изображающую Судный День, одно из самых больших чудес, которые мне приходилось видеть: на ней изображены, наверное, сотни фигур, и почти каждое лицо выписано настолько тщательно, словно миниатюрный портрет; некоторые из злых духов доказывают наличие у художника безграничной силы воображения, однако они слишком гротескны, чтобы вызывать ужас.

Церковь была полна алтарей и запрестольных образов (хотя сейчас это лютеранский храм), чьей общей чертой было наличие складывающихся створок, украшенных с обеих сторон, а за ними — горельеф, раскрашенный и золоченный сверх меры и, как правило, изображающий распятие. На одном, где Господь несет крест, я заметил новаторскую идею: столб, вкопанный в землю,

заканчивающийся болтом, который проходит сквозь самый высокий конец креста, а на конце этого болта — гайка, которую пытается повернуть бес, чтобы нести крест было еще труднее. В самой верхней части алтаря находится огромное распятие, стоящее на балке с фигурами плачущих женщин размером больше чем в натуральную величину.

В двух ризницах мы обнаружили великолепное собрание старых облачений, реликвий, музыкальных инструментов, а одних только риз я насчитал семьдесят пять штук! Там также были две «везики» (очень редкие), то есть полые футляры, сделанные из гнутых прутьев, в которых находится статуя Девы Марии. Предполагается, что каждая пара расположенных друг напротив друга прутьев представляет рыбу (ICQUS). Они висели на цепях, свисавших с потолка над алтарем. Вся церковь внутри белая с золотым, с очень высокими сводами и со множеством великолепных высоких колонн.

Вечером мы пошли погулять и, возвращаясь домой в сумерках по узкому переулку, прошли мимо маленького солдатика, стоявшего на часах посреди улицы с примкнутым штыком: он окинул нас яростным взглядом, но не тронул и позволил пройти.

В гостинице на стойке сидел зеленый попугай, мы обратились к нему, назвав «попкой»; он наклонил голову в сторону и задумался, однако не стал делать в ответ никаких заявлений. Подошедший официант сообщил нам о причине его молчания: «Erspricht nicht Englisch; er spricht nicht Deutsch»[4]. Оказалось, что несчастная птица умела говорить только по-мексикански!

Не зная ни слова на этом языке, мы могли лишь испытать сожаление.

23 июля (вт.).

Мы погуляли и купили несколько фотографий, а в 11.39 отправились в Кенигсберг. По дороге на вокзал мы столкнулись с самым грандиозным примером «Ее величества правосудия», который мне приходилось наблюдать: в суд или в тюрьму (вероятно, за карманную кражу) вели маленького мальчика. Сия героическая миссия была доверена двум солдатам в парадной форме, которые вышагивали с торжественным видом: один — впереди бедного маленького создания, а второй — сзади; разумеется, с примкнутыми штыками, чтобы сразу перейти в атаку, в случае, если он попытается убежать…

Пейзаж между Данцигом и Кенигсбергом весьма скучен. За

Данцигом мы увидели из окна вагона коттедж с гнездом на крыше, в котором обитали какие-то большие длинноногие птицы, — наверное, аисты, поскольку немецкие книги для детей рассказывают нам, что аисты строят свои гнезда на крышах домов и выполняют глубокую нравственную задачу, унося непослушных детей.

Мы прибыли в Кенигсберг около семи и поселились в «Deutsches Haus».

10.30 вечера. Услышав какой-то пищащий звук, я только что выглянул в окно и увидел полицейского (или иное подобное существо), совершающего обход. Он медленно шествует посередине улицы, останавливается через каждые несколько ярдов, подносит ко рту какой-то музыкальный инструмент и издает звук, в точности как детская дудка. Я обратил внимание на такой же звук, когда мы были в Данциге, где-то около полуночи, но решил, что это балуются мальчишки.

24 июля (ср.).

Я вышел из гостиницы и пошел гулять по городу один, поскольку Лиддон неважно себя чувствовал, и среди прочего поднялся на башню Альдштадт Кирхе, откуда открывался весьма неплохой вид на весь город. Поиски церковного сторожа, у которого был ключ, и его допрос, когда мы поднялись на башню, по поводу различных объектов городского пейзажа, оказались тяжким испытанием для моего весьма слабого немецкого. Те местагорода, которые я посетил, были довольно обычными, но позднее я узнал, что не был в самой старой его части.

Вечером мы больше двух часов сидели в Burse-Garten, слушая великолепную музыку и наблюдая, как развлекаются местные жители, к выполнению каковой задачи они подходили весьма основательно. Народ постарше сидел вокруг маленьких столиков (по четыре-шесть человек), женщины занимались рукоделием, а дети разгуливали везде, где только можно, группами по четыре-пять человек, причем все держались за руки. Вокруг сновали официанты, бдительно высматривая, не желает ли кто-нибудь сделать заказ, но, насколько можно было судить, почти никто не пил. Все было так же тихо и чинно, как в лондонской гостиной. Похоже, что все всех знали, и все выглядело более по-домашнему, чем то, что мы наблюдали в Брюсселе.

Остановившись в «Deutsches Haus», мы получили одну необычную привилегию — мы можем звонить в колокольчик

столь долго и так часто, как нам того хочется: для прекращения производимого нами шума не предпринимается никаких мер. В среднем горничная является через пять-десять минут после сигнала, а для того чтобы получить требуемый предмет, необходимо от тридцати до сорока пяти минут.

25 июля (чт.).

День, проведенный в хождениях по городу, однако записывать нечего, кроме того, что на некоторых магазинах надписи на немецком повторяются символами древнееврейского алфавита. Вечером я посетил театр, который был достаточно неплох во всех отношениях и очень хорош с точки зрения пения и некоторых моментов игры актеров. Пьеса называлась «Год 66», но мне лишь время от времени удавалось уловить пару слов, поэтому я имею весьма смутное представление о сюжете. Одним из персонажей был «корреспондент английской газеты». Это странное создание появляется посреди солдатского бивуака, одетое почти полностью в белое — очень длинный сюртук и цилиндр, сдвинутый на затылок,— тоже почти белый. При первом своем появлении он сказал по-английски «доброе утро», но затем говорил, как я полагаю, на ломаном немецком. Судя по всему, солдаты рассматривали его в качестве мишени для своих острот, и карьеру свою он закончил, провалившись в полковой барабан.

Должно быть, два самых продаваемых товара в Кенигсберге — это перчатки и фейерверки (поскольку ими торгует примерно половина всех магазинов). Тем не менее я встречаю здесь много господ, которые ходят по улице без перчаток: возможно, перчатками пользуются только для защиты рук при запуске фейерверков.

26 июля (пт.).

Утром мы посетили Dom-Kirche, прекрасное старинное здание, и поездом в 12.54 выехали в Санкт-Петербург (или Петербург, как его, судя по всему, обычно называют), куда и прибыли точно по расписанию в пять тридцать вечера следующего дня, проведя, таким образом, в пути двадцать восемь с половиной часов!

К несчастью, места в том купе, в котором мы ехали,

позволяли лечь только четверым, а поскольку вместе с нами ехали две дамы и еще один господин, я спал на полу, используя в качестве подушки саквояж и пальто, и хотя особенно не роскошествовал, однако устроился вполне удобно, чтобы крепко проспать всю ночь. Оказалось, что ехавший с нами господин — англичанин, который живет в Петербурге уже пятнадцать лет и возвращается туда после поездки в Париж и Лондон. Он был весьма любезен и ответил на наши вопросы, а также дал нам огромное множество советов по поводу того, что следует посмотреть в Петербурге. Он поговорил по-русски, чтобы дать нам представление о языке, однако обрисовал нам весьма унылые перспективы, поскольку, по его словам, в России мало кто говорит на каком-либо другом языке, кроме русского.

В качестве примера необычайно длинных слов, из которых состоит этот язык, он написал и произнес для меня следующее: защищающихся, что, записанное английскими буквами, выглядит как Zashtsheeshtshayoushtsheekhsya: это пугающее слово — форма родительного падежа множественного числа причастия и означает «лиц, защищающих себя».

Он оказался весьма приятным дополнением к нашей компании, и мы с ним сыграли три партии в шахматы в течение второго дня; эти партии я записывать не стал и, возможно, правильно сделал, поскольку все они закончились моим поражением.

Вся местность от русской границы до Петербурга была совершенно плоской и неинтересной, если не считать появлявшихся время от времени одиноких фигурах крестьян в традиционных меховой шапке и подпоясанной рубахе, и мелькавших иногда церквей с круглым куполом и четырьмя маленькими куполами вокруг, выкрашенных в зеленый цвет и весьма напоминавших (по меткому замечанию нашего знакомого) обеденный судок.

На одной из станций, где мы остановились на обед, был человек, игравший на гитаре с свиристелями, прикрепленными к верхней ее части, и колокольчиками; на всем этом он ухитрялся играть чисто и в такт; это место было замечательно также тем, что мы впервые попробовали местный суп, Щи (произносится как shtshee), который оказался вполне съедобным, хотя и содержал некий кислый ингредиент, возможно, необходимый для русского вкуса… Перед прибытием мы попросили нашего знакомого научить нас русскому названию нашей гостиницы — Gostinitsa Klee, поскольку он предполагал, что нам, вероятно, придется взять русского возницу, но мы были избавлены от всех хлопот, так как нас ждал человек из «Отель де Рюсси», который обратился

к нам по- немецки, посадил нас в свой омнибус и погрузил багаж. После ужина у нас оставалось время только для короткой прогулки, но она была полна нового и удивительного. Огромная ширина улиц (второстепенные улицы, похоже, шире, чем что-либо подобное в Лондоне), маленькие дрожки, которые беспрестанно проносились мимо, похоже, совершенно безучастные к тому, что могут кого-нибудь переехать (вскоре мы обнаружили, что нужно постоянно быть начеку, потому что возницы никогда не кричали, давая о себе знать, как бы близко к нам ни подбирались), огромные освещенные вывески над магазинами и гигантские церкви с их голубыми, в золотых звездах куполами и приводящая в замешательство тарабарщина местных жителей,— все это внесло свой вклад в копилку впечатлений от чудес нашей первой прогулки по Санкт-Петербургу.

По пути мы прошли мимо усыпальницы, прекрасно украшенной и позолоченной изнутри и снаружи, в которой хранится Распятие, картины и проч. Почти все бедняки, проходившие мимо, обнажали головы, кланялись ей и множество раз осеняли себя крестным знамением — странное зрелище посреди оживленной толпы.

28 июля (вскр.).

Утром мы пошли в великий Исаакиевский собор, но разобраться в службе, которая велась на церковно-славянском, было делом безнадежным.

Никаких музыкальных инструментов, которые бы помогали песнопениям, не было, но певчим удалось создать чудесное впечатление с помощью одних только голосов.

Церковь представляет собой огромное квадратное здание, заканчивающееся четырьмя равными частями, в которых размещается алтарь, неф и трансепты, над средней частью возвышается огромный купол (снаружи полностью покрытый позолотой), и окон настолько мало, что внутри было бы совсем темно, если бы не множество икон на стенах, с горящими перед ними свечами.

Судя по всему, для каждой иконы изначально предназначены только две большие свечи, но рядом стоят подсвечники для маленьких свечек, и эти свечки ставят те, кто молится пред образами,— каждый приносит с собой свечку, зажигает и вставляет в подсвечник.

Единственное участие, которое прихожане принимали в

службе, заключалось в том, что они кланялись и крестились, иногда стоя на коленях и касаясь лбами пола. Можно было бы надеяться, что все это сопровождается чтением молитвы, но вряд ли это могло бы быть во всех случаях: я видел, как это делали совсем маленькие дети, и выражение их лиц ничем не выдавало, что они делают это осмысленно, а одному маленькому мальчику (которого я заметил днем в Казанском соборе), чья мать заставила его стать на колени и коснуться лбом земли, было не больше трех лет. Все они кланялись и крестились перед иконами, причем не только там,— когда я стоял снаружи, дожидаясь Лиддона (я вышел на улицу только что началась служба), то заметил, что огромное количество людей делали это, проходя мимо дверей храма, даже если находились в этот момент на противоположной стороне невероятно широкой улицы. От входа поперек улицы шла узкая мощеная полоса, так что любой, кто проходил или проезжал мимо, мог точно определить, что находится напротив врат храма.

Кстати, само крестное знамение вряд ли можно назвать таковым, поскольку оно состоит в том, что они касаются указательным пальцем правой руки лба, груди, правого плеча и левого плеча; обычно это делается трижды, после каждого раза следует поклон, а затем четвертый раз — без поклона.

Одеяния священников, проводящих богослужение, отличались чрезвычайным великолепием, а процессии и воскурение фимиама напомнили римско-католическую церковь в Брюсселе, но чем больше видишь эти роскошные службы с их многочисленными способами воздействия на органы чувств, тем больше любишь скромную и бесхитростную (но, по моему мнению, более реальную) службу английской церкви.

Я слишком поздно узнал, что единственная английская служба здесь проводится утром, поэтому днем мы просто гуляли по этому чудесному городу.

Он настолько совершенно не похож на все виденное мною раньше, что я, наверное, был бы счастлив уже тем, что в течение многих дней просто бродил по нему, ничего больше не делая. Мы прошли от начала до конца Невский, длина которого около трех миль; вдоль него множество прекрасных зданий, и, должно быть, это одна из самых прекрасных улиц в мире: он заканчивается (вероятно) самой большой площадью в мире, Адмиралтейской площадью, длина которой около мили, причем большую часть одной из ее сторон занимает фасад Адмиралтейства.

Возле Адмиралтейства стоит прекрасная конная статуя Петра Великого. Нижняя ее часть — не обычный пьедестал, а глыба, бесформенная и необработанная, как настоящий камень. Конь

взвился на дыбы, и вокруг его задних ног свернулась змея, которую он, как я понял, топчет копытами.

Если бы такую статую поставили в Берлине, то Петр, несомненно, непосредственно участвовал бы в процессе умерщвления чудища, но здесь он не обращает на него никакого внимания: по сути дела, теория умерщвления здесь явно не находит поддержки. Мы обнаружили два колоссальных изваяния львов, которые до такой степени кротки, что каждый из них играет огромным шаром, словно шаловливый котенок.

Мы очень хорошо пообедали за табльдотом, начав со Щей, которые, как я обнаружил к своему большому облегчению, не всегда и не обязательно бывают кислыми, как я того боялся.

29 шюля (пн.).

Я начал день с того, что купил карту Петербурга и маленький словарь-разговорник. Последний, похоже, наверняка нам очень пригодится — в течение дня (добрая часть которого прошла в бесплодных визитах) нам пришлось четыре раза нанимать дрожки: два раза из гостиницы, когда мы попросили портье договориться с возницей, но в двух других случаях довелось управляться самим. Привожу в качестве примера один из предварительных разговоров.

Я. Gostonitia Klee (гостиница «Клеес»).

Возница (скороговоркой произносит какую-то фразу, из которой мы улавливаем лишь отдельные слова). Tri groshen (tri groshen — 30 копеек?).

Я. Doatzat Kopecki? (20 копеек?).

В. (возмущенно) Tritzat! (30)

Я (решительно). Doatzat.

В. (просительно) Doatzat pait? (25?)

Я (с видом человека, который сказал свое окончательное слово и желает положить конец бесполезным переговорам). Doatzat.

(Здесь я беру Лиддона под руку, и мы уходим, полностью игнорируя крики возницы.

Пройдя несколько ярдов, мы слышим, что дрожки медленно катятся за нами: он догоняет нас и снова окликает.)

Я (мрачно). Doatzat?

В. (с радостной ухмылкой) Da! Da!

Doatzat! (И мы садимся.)

Такого рода вещи в некотором смысле забавны, когда это

происходит один раз, но, если бы подобный процесс был неотъемлемой частью процедуры нанятия кеба в Лондоне, со временем она стала бы несколько утомительной.

После обеда мы посетили рынки, которые представляют собой огромные кварталы, окруженные маленькими магазинами под колоннадой. Наверное, там было кряду сорок или пятьдесят лавок кряду, в которых продавались перчатки, воротнички и другие подобные вещи. Мы обнаружили десятки магазинов, в которых продавались одни только иконы: от маленьких, в грубой манере изображений всего дюйм или два длиной до детально выписанных картин размером в фут или более, где все, кроме лиц и рук, было золотым. Купить их будет нелегко, поскольку, как нам сказали, владельцы магазинов в этом квартале изъясняются только по-русски.

30 июля (вт.).

Мы совершили длительную прогулку по городу, пройдя в общей сложности, наверное, миль пятнадцать-шестнадцать,— расстояния здесь огромны, это все равно что гулять по городу великанов.

Мы посетили кафедральную церковь в крепости, представляющую собой сплошную гору золота, драгоценностей и мрамора, скорее внушительную, чем красивую. Нашим гидом был русский солдат (похоже, в большинстве своем официальные функции здесь выполняют солдаты), чьи пояснения на его родном языке не принесли нам особой пользы. Здесь находятся гробницы всех императоров, начиная с Петра Великого (кроме одного): все совершенно одинаковые, из белого мрамора, с золотым украшением на каждом углу, массивным золотым крестом на верхней плите и с надписью на золотой табличке,— никаких других украшений нет.

Вся церковь была увешана иконами, перед ними горели свечи и стояли ящики для пожертвований. Я видел, как одна бедная женщина подошла к изображению св. Петра, держа на руках больного ребенка: сначала она дала стоявшему на часах солдату монету, которую тот положил в ящик, после чего приступила к длинной череде поклонов и крестных знамений, все это время успокаивающе говоря что-то своему несчастному младенцу. По ее измученному, полному тревоги лицу было видно, что она верит, что ее действия каким-то образом умилостивят св. Петра и он поможет ее ребенку.

Из крепости мы перешли по мосту на Wassili Ostrov (остров Василия) и осмотрели значительную его часть: названия магазинов и проч. почти все были на русском. Соответственно, для того чтобы купить хлеба и воды в одной из маленьких лавок, мимо которой мы проходили, я выудил в словаре два слова: «khlaib» и «vadah», чего оказалось вполне достаточно для совершения сделки.

Сегодня вечером, поднявшись в свой номер, я обнаружил, что на утро нет ни воды, ни полотенца и, что еще больше усугубляло восторг ситуации, колокольчик (по зову которого явилась бы немецкая горничная) отказывался звонить. Столкнувшись с такой приятной неожиданностью, я был вынужден спуститься вниз и найти слугу, который, к счастью, оказался моим коридорным.

Испытывая трепетную надежду, я обратился к нему на немецком, но тщетно — он лишь отчаянно затряс головой, поэтому мне пришлось (после поспешной консультации со словарем) изложить свою просьбу по-русски, что я и сделал в исключительно доступной форме, игнорируя все слова, кроме самых основных.

31 июля (ср.).

К нам зашел наш попутчик, мистер Александр Муир, и пригласил нас завтра посетить Петергоф, осмотреть достопримечательности (в сопровождении его компаньона) и отобедать вместе с ним. День мы посвятили посещению «Эрмитажа» (т. е. собрания картин и проч. в Зимнем дворце) и Александро-Невского монастыря.

В Эрмитаже, где мы намеревались ограничиться исключительно картинами, мы попали в руки гида, который показывал скульптуры и который, игнорируя все намеки на то, что мы хотели бы попасть в галерею, настоял на том, чтобы провести нас по своему отделу и, таким образом, отработать свой гонорар. Тем не менее это чудесная коллекция древнего искусства, на которую потрачены почти неисчислимые средства.

Картины нам удалось посмотреть лишь частично и второпях, но они, как и скульптуры, составляют просто бесценную коллекцию. В одном из больших залов были выставлены в основном работы Мурильо,— одна из них необыкновенно прелестная — «Успение Богородицы», и еще «Видение Иакова». (Вопр.: То, что представлено в виде гравюры у д'Ойли и Марта?) В другом зале было множество картин Тициана. Не имея времени

на всю или даже половину коллекции, мы перешли к голландской школе, чтобы посмотреть «Шедевр» Поля Поттера, картину, описанную Мюрреем и представляющую, с исключительным мастерством и юмором, отдельными фрагментами сцены охоты на различные виды дичи, льва, кабана и проч., и финальную сцену, когда все животные собираются для того, чтобы судить и казнить охотника и его собак.

Картина, которую я главным образом запомнил, это круглое полотно «Святое семейство» Рафаэля, весьма изысканная.

Мы взяли дрожки от Зимнего дворца до монастыря. Здесь нам удалось посмотреть только церковь, в которой хранятся огромные количества золота, серебра и драгоценностей в виде усыпальниц и проч. Мы оставались там до окончания вечерней службы, которая в основном была такой же, как и в Исаакиевском соборе, разумеется, с очень небольшим числом прихожан.

1 августа (чт.).

Примерно в половине одиннадцатого за нами заехал г-н Меррилис и с поистине замечательной любезностью вызвался пожертвовать своим днем, чтобы свозить нас в Петергоф, находящийся милях в двадцати, и показать нам это место. Мы сели на пароход и поплыли по гладкому и пресному Финскому заливу: первая особенность характерна для всего Балтийского моря, вторая свойственна значительной его части. Участок между двумя берегами, длиной около пятнадцати миль, очень мелок, во многих местах всего шесть-восемь футов глубиной, и каждую зиму полностью замерзает, покрываясь льдом толщиной два фута, а когда сверху его заносит снегом, образуется твердая равнина, которая регулярно используется для поездок, хотя огромные расстояния без еды или укрытия опасны для плохо одетых путников.

Г-н Меррилис рассказал нам о своем знакомом, который, проезжая по заливу прошлой зимой, видел замерзшие тела восьми человек… По дороге мы хорошо рассмотрели финский и кронштадтский берег… Когда мы высадились в Петергофе, оказалось, что нас уже дожидается экипаж г-на Муира, и с его помощью, постоянно выходя, чтобы пройти пешком по тем участкам, где экипаж не мог проехать, мы обошли и объехали территорию двух императорских дворцов, включая множество летних домиков, каждый из которых сам по себе мог бы быть весьма неплохой резиденцией, поскольку, несмотря на небольшие

размеры, они были оборудованы и украшены во всех отношениях, которые мог бы подсказать вкус или позволить огромные средства. Своим великолепием — разнообразной красотой и совершенным сочетанием природы и искусства, я думаю, эти сады затмевают сады «Сан-Суси». На каждом углу или в конце проспекта или аллеи, где можно было установить скульптуру, таковая скульптура непременно присутствовала, в бронзе или в белом мраморе, многие из последних имели позади нечто вроде округлой ниши с черным фоном, чтобы фигура выглядела более рельефно. В одном месте мы обнаружили серию идущих уступами карнизов, сделанных из камня, по которым каскадом стекает вода; в другом была длинная аллея, тянущаяся вниз по склонам и лестницам и закрытая сверху решетчатыми арками, которые были оплетены вьющимися растениями, — и еще — огромный первозданный валун, из которого, прямо на месте его обитания, высекли гигантскую голову с нежными очами, похожими на глаза сфинкса,— казалось, словно какой-то погребенный в земле Титан пытается вырваться, освободиться; еще фонтан, настолько искусно созданный из расположенных спиралевидных трубок, что каждый следующий круг выбрасывает воду выше, чем предыдущий, образуя в целом пирамиду сверкающих брызг; лужайка, виднеющаяся под нами сквозь прогалину в деревьях с нитями алых гераней, которые выглядят на расстоянии как огромная ветка кораллов; то здесь, то там длинные широкие аллеи деревьев, идущие во всех направлениях, иногда по три-четыре рядом, а иногда расходясь лучами, как звезда, и уходя вдаль настолько, что глаз почти устает следить за ними...

Все изложенное послужит скорее для того, чтобы напомнить мне, чем передать хоть какое-то представление о том, что мы видели.

Мы ненадолго заехали к Муирам по дороге на обед, увидели г-жу Муир и нескольких очаровательных маленьких детей, и вернулись туда снова около пяти и тогда уже встретили г-на Муира. На ужин пришли и другие знакомые, и наконец мы возвратились в Петербург с неутомимым г-ном Меррилисом, который увенчал множество оказанных нам за этот день услуг тем, что нашел дрожки и провел непременные здесь переговоры с извозчиком, совершив подвиг, который наверняка вверг бы нас в отчаяние, если бы нам пришлось самим пытаться сделать это в темноте, в окружении толпы извозчиков и в совершенно невообразимом гаме странных звуков.

2 августа (пт.).

Выехав в два тридцать на поезде в Москву, приехали около десяти следующего утра. Мы взяли «спальные билеты» (на два рубля дороже), и в награду за это примерно в одиннадцать вечера к нам зашел проводник и продемонстрировал сложнейший фокус. То, что было спинкой сиденья, перевернулось, поднявшись вверх, и превратилось в полку; сиденья и перегородки между ними исчезли; появились диванные подушки, и наконец мы забрались на упомянутые полки, которые оказались весьма удобными постелями.

На полу разместилось бы еще трое спящих, но, к счастью, таковые не появились. Я не ложился спать примерно до часу ночи, и большую часть времени был единственным, кто находился на открытой площадке в конце вагона: она была снабжена поручнями и крышей, и с нее открывался великолепный обзор той местности, по которой мы проезжали,— недостаток заключался в том, что вибрация и шум там гораздо сильнее, чем внутри. Время от времени появлялся проводник и в ночное время не выказывал никаких возражений против моего там пребывания, — возможно, он чувствовал себя одиноко, но, когда я попытался сделать это снова на следующее утро, его вскоре охватил приступ деспотичной жестокости, и он снова загнал меня в вагон.

В Москве нас ожидал экипаж и портье из «Отеля Дюзо», в котором мы должны были остановиться.

Мы уделили пять или шесть часов прогулке по этому чудесному городу, городу белых и зеленых крыш, конических башен, которые вырастают друг из друга словно сложенный телескоп; выпуклых золоченых куполов, в которых отражаются, как в зеркале, искаженные картинки города; церквей, похожих снаружи на гроздья разноцветных кактусов (некоторые отростки увенчаны зелеными колючими бутонами, другие — голубыми, третьи — красными и белыми), которые внутри полностью увешаны иконами и лампадами и до самой крыши украшены рядами подсвеченных картин; и, наконец, город мостовой, которая напоминает перепаханное поле, и извозчиков, которые настаивают, чтобы им платили сегодня на тридцать процентов дороже, потому что «сегодня день рождения императрицы».

После ужина мы поехали на Воробьевы горы, откуда открывается великолепная панорама стройного леса шпилей и куполов с извилистой Москва-рекой на переднем плане,— это те самые холмы, с которых армия Наполеона в первый раз увидела этот город.

4 августа (вскр.).

Утром мы долго и безуспешно искали английскую церковь.

Позднее я пошел один и, по счастию, познакомился с одним русским господином, который говорил по-английски и который любезно отвел меня туда. Г-н Пенни, священник, был дома, и я вручил ему рекомендательную записку от Бергона и был принят им и его женой с чрезвычайным радушием.

Лиддон пошел со мной на вечернюю службу, и мы провели вечер с Пенни и получили массу ценных советов относительно наших планов в Москве и много любезных предложений помочь в покупке разных любопытных сувениров и проч.

5 августа (пн.).

День экскурсий. Мы начали с того, что встали в пять утра и отправились на шестичасовую службу в Петровский монастырь, поскольку было ежегодное освящение и, соответственно, служба должна была отличаться особым великолепием. Она была чрезвычайно прекрасной в том, что касается музыки и сценического эффекта, но большая часть обряда была для меня непонятна. Там присутствовал епископ Леонид (?), который принимал основное участие в причастии, в котором участвовал также один младенец, но больше никто из прихожан. Было весьма любопытно наблюдать, когда служба окончилась и епископ, с которого сняли роскошные одеяния перед алтарем, вышел в простой черной рясе, а люди толпились вокруг него, когда он шел к выходу, чтобы поцеловать его руку.

После завтрака, поскольку явно надолго зарядил дождь, мы посвятили свое время осмотру внутренних помещений, о которых совершенно невозможно дать какое-либо адекватное представление просто словами.

Мы начали с церкви св. Василия, которая настолько же необычна (почти гротескна) внутри, как и снаружи, и которую показывает без сомнения, самый ужасный гид, какого я до сих пор встречал. Его первоначальный замысел заключался в том, что мы должны пронестись через этот храм со скоростью примерно четыре мили в час. Обнаружив, что принудить нас двигаться с такой скоростью совершенно невозможно, он принялся греметь ключами, суетливо носиться вокруг, громко напевать и злобно обзывать нас по-русски,— по сути, он делал все, что мог, разве что не схватил нас за шиворот и не потащил волоком. Только лишь исключительно благодаря чистому упрямству и приступу внезапной глухоты нам удалось посмотреть церковь, или, скорее,

группу церквей под одной крышей, в довольно сносных условиях.

Каждый храм имел свои собственные характерные особенности, хотя золоченая перегородка[5] и подсвеченные фрески на всех стенах и даже на внутренней части купола были общими для всех.

Затем мы прошли в Сокровищницу и увидели троны, короны и драгоценности — в таком количестве, что начинаешь думать, что эти предметы встречаются чаще, чем ежевика. Некоторые троны и проч. буквально усыпаны жемчугом.

Затем нас провели по дворцу, после которого, я думаю, все другие дворцы покажутся убогими и миниатюрными.

Я измерил шагами один из залов для приемов и посчитал, что его длина составляет восемьдесят ярдов, в ширину же, наверное, двадцать пять — тридцать. Таковых было по крайней мере два и еще множество других больших помещений — все с высокими потолками и изысканно убранные, от пола, инкрустированного атласным деревом и проч., до расписных потолков, богато украшенных позолотой; на стенах жилых помещений вместо обоев — шелк или атлас, и все обставлено и украшено так, словно богатство владельца поистине безгранично. Оттуда мы перешли в ризницу, в которой, помимо баснословной роскоши и богатства одеяний, жемчугов, драгоценностей, распятий и икон, хранятся три огромных серебряных сосуда для приготовления елея, используемого при крещении и проч., который поставляют отсюда в шестнадцать епархий… После ужина мы, как было договорено, поехали к г-ну Пенни и вместе с ним отправились посмотреть русскую свадьбу — это была весьма интересная церемония.

Там был большой хор из собора, который спел длинный прекрасный псалом перед тем, как началась служба, и дьякон (из Успенской церкви) исполнил речитативом несколько фрагментов службы самым потрясающим басом, какой мне доводилось слышать, постепенно повышавшимся (наверное, меньше чем на половину ноты зараз, если это возможно) и усиливавшимся в громкости звука по мере того, как его голос повышался, пока последняя нота не разнеслась по всему зданию как многоголосый хор. Я и представить себе не мог, что одним только голосом можно добиться такого эффекта.

Одна часть церемонии, венчание новобрачных, была почти гротескной.

Принесли две роскошные золотые короны, которыми священник, исполнявший церемонию, сначала помахал перед ними, а потом возложил на их головы — или, точнее сказать, несчастному жениху пришлось стоять в своей короне, но на

невесту, предусмотрительно уложившую волосы в довольно замысловатую прическу с кружевной вуалью, надеть корону было нельзя, и поэтому ее подруге пришлось держать корону у нее над головой. Жениха, в обычном фраке, коронованного словно монарха, со свечой в руке и с лицом человека, смирившегося с выпавшим на его долю страданием, можно было бы только пожалеть, если бы он не выглядел настолько смехотворно. Когда народ разошелся, священник пригласил нас осмотреть восточную часть храма, за золотыми вратами, после чего нас наконец отпустили с дружеским рукопожатием и «поцелуем мира», которого удостоился даже я, хотя и был в мирской одежде. Остальную часть вечера мы провели с нашими знакомыми, г-ном и г-жой Пенни.

6 августа (вт.).

Г-н Пенни любезно сопровождал нас в прогулке по Двору (или Рынку), чтобы показать, где можно достать самые лучшие иконы и проч. Перед этим мы поднимались на Колокольню Ивана, откуда открывается прекрасный вид на Москву, раскинувшуюся вокруг нас со всех сторон, вспыхивающие на солнце шпили и золотые купола. В половине шестого мы отправились с обоими Веэрами в Нижний Новгород и нашли, что эта экспедиция вполне стоит всех тех неудобств, которые нам пришлось вынести от начала и до конца. Наши знакомые взяли с собой своего «курьера», который говорит по-французски и по-русски и который очень нам пригодился, когда мы делали покупки на ярмарке. Спальные вагоны — неизвестная роскошь на этой линии, поэтому нам пришлось довольствоваться обычным вторым классом. Я спал на полу по дороге и туда, и обратно. Единственное происшествие, которое внесло некоторое разнообразие в монотонность поездки (но вряд ли ее облегчившее), длившейся с семи вечера до начала первого следующего дня, состояло в том, что нам пришлось выйти из вагона и перейти по временному пешеходному мосту через реку, поскольку железнодорожный мост смыло. Это вылилось в то, что примерно двум или трем сотням пассажиров пришлось тащиться добрую милю под проливным дождем. Ранее произошла авария, из-за которой наш поезд задержался, и в результате, если бы мы придерживались нашего первоначального плана вернуться в тот же день, то на ярмарке мы провели бы всего около двух с половиной часов. Мы подумали, что этого делать не стоит, учитывая те хлопоты и расходы, на которые нам

пришлось пойти, и решили снять номер в гостинице и остаться до следующего утра.

Посему мы отправились в гостиницу «Smernovaya» (или что-то в этом роде) — поистине разбойничье место, хотя, без сомнения, лучшее в городе. Еда была очень хорошей, а все остальное — очень плохим.

Некоторым утешением послужило то, что за ужином мы обнаружили, что представляем предмет живейшего интереса для шести или семи официантов, одетых в белые подпоясанные рубахи и белые брюки, которые выстроились в ряд и зачарованно уставились на сборище странных животных, которые поглощали пищу перед ними…

Время от времени их охватывали угрызения совести: они вспоминали, что, в конечном счете, не выполняют назначенный им судьбою официантский долг, и в такие моменты все вместе поспешно направлялись в конец зала и пытались найти поддержку в большом комоде, в ящиках которого, судя по всему, не содержалось ничего, кроме ложек и вилок.

Когда мы просили их что-нибудь принести, они сначала тревожно переглядывались, затем, определив, который из них лучше всего понял заказ, все вместе следовали его примеру, который всегда заключался в заглядывании в ящик… Бо́льшую часть дня мы провели, расхаживая по ярмарке, покупая иконы и проч.

Это было замечательное место. Помимо того, что на ярмарке имелись отдельные ряды для персов, китайцев и других, мы постоянно встречали необычные создания с нездоровым цветом лица и в немыслимых одеждах. Персы, с их спокойными умными лицами, широко расставленными удлиненными глазами, воронова крыла волосами и желто-коричневой кожей, с черными шерстяными фесками на головах, похожими на гренадерские шапки, были почти что самыми живописными из всех, кого мы встречали, но все новые впечатления дня затмило наше приключение на закате, когда мы наткнулись на татарскую мечеть (единственную в Нижнем), как раз в тот момент, когда один из служащих вышел на крышу, чтобы произнести …[6] или призыв к молитве. Даже если бы в увиденном не было ничего самого по себе необычного, это представляло бы огромный интерес благодаря своей новизне и уникальности, однако сам призыв не был похож ни на что другое, что мне доводилось до сих пор слышать. Начало каждой фразы произносилось быстрым монотонным голосом, а к концу тон постепенно повышался, пока не заканчивался продолжительным скорбным стенанием, которое проплывало в неподвижном воздухе, производя неописуемо

печальное и мистическое впечатление: если услышать это ночью, то можно было бы испытать такое же волнение, как от завываний привидения, предвещающего чью-то смерть.

Сразу же, послушные призыву, появились толпы верующих, каждый из которых снял с себя и отложил в сторону обувь перед тем, как войти: главный священник позволил нам постоять в дверях и посмотреть. Сам обряд поклонения, похоже, состоял в том, чтобы стать, обратившись лицом к Мекке, неожиданно упасть на колени и коснуться лбом ковра, подняться и повторить это один или два раза, затем снова неподвижно постоять в течение нескольких минут и так далее. По пути домой мы зашли в церковь, где служили вечерню, со всем приличествующим набором икон, свечей, крестных знамений, поклонов и проч.

Вечером я отправился с младшим из Веэров в Нижегородский театр, который оказался самым непритязательным строением из всех, что мне доводилось видеть,— единственным украшением внутри была побелка на стенах. Он был очень большим и заполнен не более, чем на одну десятую, поэтому в зале было замечательно прохладно и приятно. Представление, исполнявшееся исключительно на русском языке, было нам несколько непонятно, однако, прилежно трудясь в течение каждого антракта над программкой, мы, с помощью карманного словарика, получили сносное представление о том, что происходит на сцене. Первой и самой лучшей частью была «Аладдин и волшебная лампа», бурлеск, в котором некоторые актеры показали по-настоящему первоклассную игру, а также очень неплохое пение и танцы. Я никогда не видел актеров, которые уделяли бы больше внимания действию и партнерам по сцене и меньше бы смотрели на зрителей. Тот, который играл Аладдина, по фамилии Ленский, и одна из актрис в другой пьесе, по фамилии Соронина, пожалуй, были лучшими[7]. Другими пьесами были «Cochin China» и «Гусарская дочь».

7 августа (ср.).

После ночи, проведенной в постелях, состоящих из досок, покрытых матрасом в дюйм толщиной, подушки, одной простыни и стеганого одеяла, и после завтрака, гвоздем которого стала большая и очень вкусная рыба, почти полностью без костей, которая называется Stirlet, мы посетили собор и Мининскую башню.

В соборе мы обнаружили, что там проходит торжественная

обедня и все огромное белое здание заполнено военными: мы немного подождали и послушали великолепное пение.

С Мининской башни нам открылась великолепная панорама всего города и извивающаяся лента Волги, теряющаяся в туманной дали. Затем, после еще одного посещения Двора, около трех мы отправились в обратное путешествие, еще более неудобное, чем предыдущее, если такое вообще возможно, и снова прибыли в Москву, усталые, но довольные всем, что увидели, примерно в девять утра.

9 августа (пт.).

Единственным значительным событием дня была наша поездка (снова в сопровождении Веэров) в Монастырь Semonof, где с вершины колокольни, взбираясь на которую, мы насчитали 380 ступеней, мы смогли ближе и, по моему мнению, лучше рассмотреть Москву, чем с Воробьевых гор. Мы посетили часовни, кладбища и трапезную: часовни были прекрасно украшены фресками и проч., и в одной из них имелось любопытное изображение, почти гротескное, сучка и бревна[8]; мы также отведали монашеский черный хлеб, который оказался совершенно съедобен, хотя и не вызывал желания откушать его еще раз… Старший из Веэров вечером составил мне компанию, и мы пошли в Московский «Малый театр», на самом деле оказавшийся большим красивым зданием.

Публика была очень хорошая, и пьесы «Свадьба бургомистра» и «Женский секрет» были встречены большими аплодисментами, но ничто не понравилось мне так же, как «Аладдин». Все было на русском.

10 августа (сб.).

Мы посвятили утро визитам с рекомендательными письмами, однако нам не удалось никого застать дома. Днем мы поехали в Петровский дворец и погуляли там в парке. Дворец выкрашен в ярко-красный и белый цвета — результат получился явно уродливым. По дороге обратно я переписал надпись над Toer Gate, которые охраняют вход в парк:

PIAE MEMORIAE

ALEXANDRI I
Ob Restitutam E Cine Ribus
Multisque Paternae Curae Monumentis Auctam
Antiquam Hanc Metropolin
FLAGRANTE BELLO GALLICO ANNO
MDCXII FLAMMIS
DATAM

Мы поужинали с г-ном Пенни, встретив у него г-на и г-жу Ком и их племянницу г-жу Натали, а затем все вместе поехали в Семонов монастырь и прослушали очень длинную, но очень красивую службу, в которой присутствовала одна совершенно новая для меня деталь: главный священник вынес Евангелие и держал его в руках, в то время как все остальные, а затем и монахи, приближались по двое и целовали книгу.

Затем он положил ее на аналой и стоял рядом, пока верующие подходили и целовала сначали книгу, а затем его руку.

11 августа (вскр.).

Утром мы посетили английскую церковь, поскольку Лиддон взялся прочитать там проповедь. Оттуда, вместе с г-ном Пенни, мы отправились с визитом к епископу Леониду, викарному епископу Московскому, к которому у Лиддона было рекомендательное письмо от князя Орлова. Мы были весьма обрадованы тем, как он нас принял, а также его вежливым обаятельным обхождением — того сорта обхождением, которое сразу заставляет людей почувствовать себя непринужденно.

Я думаю, что визит наш длился, должно быть, часа полтора; перед уходом мы договорились поехать завтра вместе с ним в Троицу, в надежде, что, возможно, нам удастся нанести визит митрополиту, архиепископу Филорету… Затем мы вернулись и, поужинав с нашими гостеприимными знакомыми, вместе с ними поехали в Страстной женский монастырь, где все песнопения исполняются самими монахинями,— хотя отдельные фрагменты службы, разумеется, проводятся священником. Однако во всех случаях читала одна из монахинь: в течение службы читалось очень много, и в некоторых случаях монахини оставляли свои места на клиросе и становились вокруг чтицы.

Некоторые из них выглядели весьма юными: одной, я думаю, было не больше двенадцати.

Музыкальная часть службы, похоже, была во многом такой

же, как и в других церквях, которые мы посетили, однако впечатление от женских голосов, без какого-либо музыкального сопровождения, было поистине изумительным… Мы остались на чай у Пенни и посетили там же вечернюю службу, закончив день прогулкой вдоль Кремлевской стены; прохладный вечер и великолепный вид — идеальная панорама прекрасных зданий, стоящих вокруг,— были чрезвычайно приятны.

12 августа (пн.).

Весьма интересный день. Мы позавтракали в половине шестого и вскоре после семи отправились поездом, в компании с епископом Леонидом и г-ном Пенни, в Троицкий монастырь. Епископ, несмотря на свое ограниченное знание английского, оказался очень разговорчивым и интересным попутчиком. Когда мы приехали, служба в соборе уже началась, и епископ, взяв нас с собой, провел через огромную толпу, переполнявшую здание, в боковое помещение, расположенное непосредственно рядом с алтарем, и там мы оставались в течение всей службы, получив необычную привилегию видеть, как причащаются священнослужители,— во время этой церемонии двери алтаря всегда закрыты и задвинуты занавеси, и паства никогда этого не видит. Это была чрезвычайно сложная церемония, в течение которой много крестились, кадили перед всем, что должно было использоваться, но также совершенно очевидно исполненная глубокой набожности.

Ближе к концу службы один из монахов внес блюдо с маленькими хлебами и дал нам каждому по одному: они были освящены, и то, что нам вручили эти хлебцы, должно было означать, что они вспоминали нас в своих молитвах. Когда мы покидали собор, один из монахов провел нас через ризницу и помещения для занятий живописью и фотографией (группу мальчиков обучают этим двум искусствам, которые используются исключительно для духовных целей), и нас сопровождал один русский господин, который был вместе с нами в соборе и который был чрезвычайно любезен и объяснил назначение различных предметов на французском, а когда мы хотели приобрести иконы и проч., спрашивал о ценах и считал сдачу. Только тогда, когда он пожелал нам всех благ и покинул нас, мы узнали, кто уделил нам так много внимания,— боюсь, что больше, чем кто-либо из англичан уделил бы иностранцам,— это был князь Chirkoff.

В помещении для занятий живописью мы увидели так много

великолепно выполненных икон, некоторые из которых были написаны на дереве, а некоторые на перламутре, что было трудно решить не столько то, что купить, а что не купить. В конце концов мы ушли — каждый с тремя иконами, причем такое количество было скорее вызвано недостатком времени, нежели какими-либо благоразумными соображениями.

Ризница представляла собой настоящую сокровищницу — драгоценности, вышивка, кресты, потиры и проч. Мы увидели там знаменитый камень, отполированный и обрамленный как икона, который имел в своих пластах (по крайней мере, на первый взгляд) изображение монаха, молящегося перед распятием. Я внимательно его рассмотрел, но никак не мог поверить в естественное происхождение такого удивительного феномена.

Днем мы направились во дворец архиепископа и были представлены ему епископом Леонидом. Архиепископ говорил только по-русски, поэтому беседа между ним и Лиддоном (чрезвычайно интересная и длившаяся более часа) происходила в весьма оригинальной манере — архиепископ делал замечание на русском, епископ переводил его на английский, затем Лиддон отвечал по-французски, а епископ уже излагал его по-русски архиепископу. В результате беседа, которая проходила только между двумя людьми, потребовала использования трех языков!

Епископ любезно поручил одному из студентов, изучавших богословие, который говорил по-французски, быть нашим гидом, что он и выполнил с большим рвением, сводив нас, среди прочего, посмотреть подземные кельи отшельников, где некоторые из них живут уже многие годы. Нам показали двери двух келий, в которых никто не обитает; возникало странное и не вполне приятное ощущение в темном узком проходе, где каждому приходилось нести свечу, при мысли о том, что внутри живет человеческое существо, покой и одиночество которого озаряет лишь тусклый свет маленькой лампады...

Мы вернулись с епископом вечерним поездом, проведя один из самых запоминающихся дней нашего путешествия.

За ужином в гостинице «Troitsa» нам удалось отведать два из специфически русских продуктов — нечто вроде горького, терпкого вина, приготовленного из ягод рябины, стакан которого принято пить перед ужином «для аппетита». Оно называется «*Рябиновое*» (Ribinov). Вторым был суп «*Щи*» (Shchi), с соответствующим кувшинчиком сметаны, которую следует развести в тарелке.

13 августа (вт.).

День Водосвятия, великого обряда, выполняемого частично в соборе, а частично на берегу реки. Служба началась в девять, а поскольку я оделся только в половине десятого, то отправился туда, не завтракая. Сначала мы направились в собор, однако скопище людей было так велико, что я сразу же вышел обратно и занял место среди толпы, ожидавшей на берегу реки, чтобы посмотреть, как будет проходить шествие. Процессия появилась только около одиннадцати, а потом я подождал ее возвращения: сам обряд, проходивший на берегу, мне рассмотреть не удалось, но ход выглядел очень торжественно и внушительно.

Он начался с ряда больших стягов[9] — если можно их так назвать,— каждый из которых несли по три человека: древка были пятнадцати футов высотой, и сам стяг больше напоминал круглый щит, заключенный в рамку и, как правило, с лучами по краям и с крестом или иконой в центре. Их было, должно быть, тридцать или сорок. Затем последовала длинная колонна священников, дьяконов и других церковнослужителей, все облаченные в вышитые ризы с другими украшениями, у некоторых из них даже были на груди большие иконы, затем большие свечи, иконы поменьше и проч., затем четыре епископа в полном облачении с сопровождающими их священнослужителями и проч., затем толпы поющих мужчин и мальчиков в чем-то вроде форменной одежды красного и голубого цветов.

Посмотреть на шествие прибыли очень большие толпы людей, но все вели себя вполне чинно и благодушно; единственная сцена беспорядка, которую я заметил, случилась, когда в конце процессии появился один из дьяконов, который нес обратно сосуд с водой.

Все, кто находился рядом с ним, отчаянно бросились вперед, чтобы прикоснуться губами к сосуду, и в результате вода расплескалась во все стороны, прямо на зрителей, и почти вся пролилась. Когда я вернулся домой позавтракать, была уже половина первого.

Весь этот день отмечался как великий праздник, и днем мы пошли на ярмарку.

В ней не было ничего специфически русского, если только это не заключалось в возрасте людей, которые участвовали в милом, но неинтеллектуальном развлечении — катании на деревянных лошадках, подвешенных к ободу огромного горизонтально расположенного колеса. Степенные мужчины средних лет, некоторые из них в военной форме, сидели верхом на существах, которые когда-то, возможно, и были похожи на лошадей, и пытались вообразить себе, что им это нравится. Там было несколько маленьких балаганов и проч. с большими картинами у

входа с изображениями людей, показывающих разные трюки, которые были бы весьма сложны, даже если бы руки и ноги у артистов, судя по тому, что было нарисовано, не были полностью вывернуты из суставов. И еще были ларьки, где торговали снедью, судя по ассортименту которой самая подходящая пища для праздника — это сырая рыба и сушеные бобы.

Вечером мы наведались в зоологические сады, где, после посещения вольеров птиц и зверей, уютно расположились под деревьями среди гирлянд цветных ламп и послушали «Тирольских певцов», очень приятное представление.

14 августа (ср.).

Утро прошло в посещении Банка и Двора.

Мы пообедали в «Московском трактире» — настоящий русский обед, с русским вином…

Вот меню.

Суп и пирошки (soop ee pirashkee)
Поросенокъ (parasainok)
Асетрина (asetrina)
Котлеты (kotletee)
Мороженое (morojenoi)
Крымское (krimskoe)
Кофе (kofe)

Суп был прозрачным и содержал рубленые овощи и куриные ножки, а «pirash-kee», которые подавались к супу, были пирожками с начинкой, в основном состоявшей из вареных яиц. «Parasoumpl» оказался куском холодной свинины с соусом, приготовленным явно из толченого хрена и сливок. «Asetrina» — это осетр, еще одно холодное блюдо, «гарниром» служили раки, оливки, каперсы и что-то вроде густой подливы. Котлеты «Kotletee» были, я думаю, из телятины, «Marajensee» означает «мороженое» — оно было очень вкусным: одно лимонное, одно черносмородинное, такое я еще не пробовал. Крымское вино было также очень приятным, собственно, весь обед (за исключением, пожалуй, стряпни из осетра) был отменный.

Провели вечер, как уже вошло у нас в обыкновение, у наших гостеприимных знакомых, г-на и г-жи Пенни. Перед тем как отправиться к ним, мы посетили Страстной монастырь, при котором имеется красивое кладбище. Среди гробниц, которые

повсюду свидетельствовали о большом вкусе и художественном чувстве, был один крест, в котором находилась горящая лампада, защищенная стеклом с каждой стороны.

15 августа (чт.).

Мы позавтракали около шести, чтобы поспеть на утренний поезд до монастыря «Нового Иерусалима». Некий г-н Спайер, знакомый г-на Пенни, дом которого находится за монастырем, любезно предложил нас сопроводить. Мы думали, что все это можно будет легко сделать за день, но оказалось, что мы сильно заблуждались.

Железнодорожная часть поездки длилась примерно до десяти часов. Затем мы наняли «tarantas» (который имеет такую форму, которую приняло бы старое ландо, если бы почти в два раза удлинить его корпус и убрать рессоры) и в нем тряслись более четырнадцати миль по самой ужасной дороге, какую я когда-либо видел. Она изобиловала колеями, канавами и непролазной грязью, а мостами служили кое-как уложенные вместе неотесанные бревна. Даже с тремя лошадьми нам понадобилось почти три часа, чтобы преодолеть это расстояние.

По дороге мы последовали предложению, сделанному, кажется, г-ном Муиром, и зашли в деревенский коттедж за молоком и хлебом, используя этот предлог, чтобы посмотреть внутри жилище крестьян, а также уклад жизни.

В коттедже, в который мы зашли, оказалось двое мужчин, старая женщина и шесть или семь мальчиков разного возраста. И черный хлеб, и молоко были очень хороши, и было весьма интересно получить представление о доме русского крестьянина. Я попробовал сделать два наброска: один — интерьера, другой — экстерьера; для последнего мы попросили шестерых из мальчиков и девочку стать группой: из этого получилась бы превосходная композиция для фотографии, но была, пожалуй, слишком сложна для моих рисовальных умений.

Мы добрались до деревни, находящейся рядом с монастырем, только около двух, и тогда узнали, что, для того чтобы этим же вечером вернуться в Москву, необходимо выехать в три. Соответственно, мы второпях посетили церковь Гроба Господня, и оттуда послали сообщение на почту, чтобы нам запрягли свежих лошадей, которые, как нам сказали, должны были там быть. На этом этапе наши планы нарушились; когда мы вернулись на почту, то увидели, что там не происходит никаких

приготовлений,— свежих лошадей не было,— только лишь те уставшие лошади, которые нас привезли, а возница и все присутствовавшие в один голос заявили (шумным русским языком, который смог разобрать только г-н Спайер), что ничего сделать нельзя.

Посему мы покорились судьбе и попросили г-на Спайера пойти с нами в гостиницу и заказать нам ужин, чай, постели и завтрак на три часа утра. Он заверил, что во всем заведении нет никого, кто бы знал хоть слово на каком-нибудь ином языке, кроме русского, и, когда он уехал, оставив нас у дверей гостиницы, мы, совершенно точно, чувствовали себя более одинокими и по-робинзон-крузски, чем ощущали себя за все это путешествие. Мы отправились в монастырь в сопровождении гостиничного служащего, который передал нас в руки русского монаха — самого что ни на есть патентованного, который игнорировал фразы на всех других языках, кроме русского. Ему я предъявил фразу из своего разговорника, смысл которой сводился к «есть ли здесь кто-нибудь, кто говорит по-немецки, по-французски или по-английски?» Эта маленькая фраза стала поворотным пунктом нашей судьбы — нас сразу же представили другому монаху, который прекрасно, но вполне для меня понятно говорил по-французски, и он чрезвычайно любезно посвятил себя нашим услугам — почти, можно сказать, до конца дня.

Он провел нас по церкви Гроба Господня, главным образом представляющей интерес тем, что она точно скопирована с той, что находится в Иерусалиме, а также показал библиотеку и ризницу, которые были очень интересны, однако не содержали ничего особенного или уникального, если не считать имитации страусиного яйца, которое мы увидели в ризнице. Посмотрев через него на свет, через маленькую дырочку в конце, можно увидеть цветное изображение, которое выглядит почти объемным, женщины, стоящей на коленях перед крестом. Уже было время возвращаться в гостиницу на обед, что мы и сделали, после того как сначала договорились с нашим любезным гидом, что позовем его, когда вернемся снова.

По нашему возвращению монах отвел нас к себе домой, где, вместо кельи с черепом, скрещенными костями и проч., мы обнаружили удобную гостиную, в которой происходило чаепитие; в нем участвовали две дамы, мать и дочь, и господин, который, я думаю, должно быть, был их отцом. Дама постарше неплохо говорила по-французски, а помоложе — исключительно хорошо по-английски. Она рассказала нам, что преподает французский в одной из «гимназий» в Москве, и она была явно хорошо образованна и умна. В этой обстановке было очень приятно

находиться, но все выглядело так неожиданно и необычно, что казалось почти сном. После чая всем семейством они провели нас по монастырю и показали покои, в которых останавливается императорская семья, когда иногда посещает это место. Среди прочего мы увидели «Вифлеем» — келью, скопированную с того помещения, где, как говорят, родился Господь. Затем монах повел нас через лес посмотреть отшельническую хижину, куда удалился Никон в годину своей добровольной ссылки. По пути назад мы купили в некоем подобии лавки у входа, которую держат монахи, маленькие копии «Богоматери с тремя руками» — большой иконы, находящейся в одной из часовен, которая написана, дабы увековечить явление Девы Марии, увиденной так, как представлено на иконе, с третьей рукой, появляющейся снизу.

В лесу мы увидели «Иордань», «купальню в Вифезде», маленький домик с настоящей купальней в середине и ступеньками, ведущими к ней, и еще один домик или усыпальницу, называемую «Колодец в Самарии», однако «скитная хижина» была замечательнее всего того, что мы видели ранее. Она выглядит внешне как маленький домик, но внутри нее множество комнат, таких миниатюрных, что вряд ли они даже заслуживают своего названия, соединенных узкими и низкими коридорами и винтовыми лестницами,— спальня, к примеру, шести футов в длину и в ширину: кровать, сделанная из камня, с каменной подушкой, всего пять футов девять дюймов в длину, и упирается прямо в стену комнаты с выемкой-нишей для ног, поэтому епископ, который был человеком высоким, должно быть, все время вынужден был почивать в скрюченном положении. Все вместе выглядит скорее как игрушечная модель, чем настоящий дом, и, должно быть, жизнь епископа проходила в постоянном смирении, которое превосходило только смирение его домашних слуг, обитавших в крошечном подвале, вход в который закрывает дверь высотой в четыре фута и куда едва просачивается слабый проблеск дневного света.

Остальные присоединились к нам в лесу и вернулись с нами обратно, и вскоре после этого, сердечно поблагодарив их за доброту, мы оставили наших новых знакомых и вернулись в гостиницу, снова испытывая чувство одиночества, поскольку знали, что там нет никого, кто говорил бы на каком-либо другом языке, кроме русского.

Но судьба снова оказалась к нам благосклонна: у входа мы встретили хозяина, который со многими поклонами и жестикуляциями представил нам русского господина, остановившегося в этом доме, который говорил по-французски. Он был очень любезен и помогал нам получить все, что мы

хотели, и сидел с нами, болтая до полуночи. Хозяин, который, похоже, немного подвыпил и был здорово не в себе, также постоянно наведывался к нам, чтобы пожать руки и заверить в своей дружбе. Он был, как сообщил нам русский господин, дворянином, хотя и невысокого звания, и потерял свое состояние, примерно миллион рублей, каковое несчастье и повредило его рассудок. Последняя наша беседа с ним произошла, когда он зашел, чтобы предоставить нам счет, который он умолял нас оплатить заранее, поскольку мы уезжали спозаранку. Он выписал его карандашом на клочке грубой бумаги, громко выкрикивая различные пункты, перед тем как внести их в счет, а затем передал его мне, чтобы я посчитал общую сумму. Я это сделал, добавил дополнительный пункт «за труди» — «for service», и, получив деньги, он поднялся, поклонился иконе, висевшей в углу комнаты, осеняя себя крестом, затем схватил Лиддона за руку, расцеловал в обе щеки, а потом поцеловал ему руку; мне пришлось подвергнуться такой же нежной процедуре прощания, и, наконец, он покинул нас, предоставив наслаждаться по мере наших сил и возможностей оставшимися тремя с половиной часами, которые были уменьшены еще до двух с половиной часов нашим русским знакомым, который зашел побеседовать на прощание.

16 августа (пт.).

Нас разбудили в три, и после завтрака, тщетно прождав prelodka, мы отправились на ее поиски: мы встретили ее, когда она выезжала со двора «Почты», и в четыре отправились в путь — еще три часа тряски, которую несколько облегчило и скрасило зрелище прекрасного рассвета и музыка колокольчиков на повозке, которая почти всю дорогу следовала позади нас.

В Москве нас ждал г-н Пенни, который собирался взять с собой Лиддона и представить его аббату[10], с которым мы ранее имели продолжительную беседу. Затем мы еще раз посетили Двор, а потом детский приют. Директора на месте не оказалось, поэтому мы не смогли посмотреть все; кроме того, многие из детей постарше находились в деревне, поэтому нам удалось в основном лишь увидеть длинную череду гигантских коридоров, полных кроватей, нянек и бесконечного количества младенцев. На вид все маленькие дети были чистыми, ухоженными и счастливыми. Вечером мы поехали в Петровский парк и побыли там короткое время, слушая военный оркестр.

17 августа (сб.).

Праздничный день в Троице, ради которого мы остались в Москве и ждали его как великого зрелища,— надежда, обреченная на разочарование. Епископ Леонид обещал взять нас в церковь и провести в помещение, примыкающее к алтарю, где мы были раньше, но нам так и не удалось его найти. Мы прошли в церковь, но практически ничего не смогли увидеть, хотя нам и удалось попасть в помещение, находящееся с противоположной стороны от прежнего, поэтому через некоторое время я снова вышел и пошел один на другую сторону. Здесь, используя любую возможность, чтобы продвинуться вперед, я пробрался сквозь толпу в ту комнату, в которую нас обещал провести епископ. Здесь я оказался в чрезвычайно исключительном положении: единственным человеком в светской одежде среди толпы епископов и священнослужителей.

Было совершенно ясно, что я не имею ни малейшего права там находиться, однако, поскольку на меня никто не обращал внимания, я остался и смог очень хорошо видеть и самих епископов и некоторые фрагменты службы, но епископ Леонид так и не появился; впоследствии мы узнали, что он проводил службу в другом месте.

Мы сделали все, что могли, чтобы возместить неудачный день, посетив монастырь и поднявшись на великую колокольню Троицкого монастыря, с которой открывался замечательный вид, и рассмотрели через мой телескоп группу башен на горизонте, в сорока милях от монастыря,— я думаю, это была сама Москва.

18 августа (вскр.).

В девять часов мы пошли в церковь Успения, где епископ Леонид должен был принимать основное участие, и стали ждать снаружи в надежде, что он возьмет нас с собой; однако какой-то господин, по его поручению, подошел к нам до того, как он прибыл, и провел нас в маленькую комнату на южной стороне алтаря. Лиддон оставался там до конца службы, но я ушел в середине, чтобы пойти в английскую церковь. Мы пообедали у Пенни и еще раз зашли к ним после вечерней службы, а по пути домой прошли через Кремль и, таким образом, получили

последнее впечатление об этом чрезвычайно красивом ансамбле зданий, возможно, в самое лучшее время — море холодного прозрачного лунного света, заливающего чистую белизну стен и башен, и мерцающие блики на золотых куполах, чего не увидишь при свете солнца, ибо солнечный свет не смог бы выхватить их из темноты,— так мы их увидели ночью.

19 августа (пн.).

Сидя за завтраком в кофейне, мы завязали разговор с одним американцем, который был там с женой и маленьким сыном, и нашли их очень приятными людьми.

При расставании он дал мне свою карточку — «R.M. Hunt, Membre du Jury International de l'Exposition Universelle de 1867 — Studio B 8, 51 W. 10th St, New York». Если я когда-нибудь буду в Нью-Йорке, мне, возможно, кто-нибудь переведет этот загадочный адрес.

Утром мы почти ничего другого не делали, только готовились к отъезду, и в два часа пополудни выехали в Петербург; наши знакомые из английской церкви увенчали свои многочисленные добрые деяния тем, что пришли нас проводить и принесли бутылку своего вкусного «киммеля», чтобы мы не скучали в пути.

У нас были билеты в спальном вагоне, и в купе оказался только еще один господин, так что с открытым окном мы бы, возможно, чувствовали себя более-менее комфортно; но поскольку у нашего знакомого (который, кажется, был какой-то важной персоной) был насморк и он воспротивился этому, и поскольку третья постель, которая, естественно, досталась самому молодому, то есть автору, располагалась поперек купе, изголовьем под одной кроватью, а ногами — под другой, то я предпочел свежий воздух и усталость на площадке в конце вагона отдыху и удушью в купе. В пять утра я зашел и вздремнул до шести, и все. К десяти мы уже снова были в «Отеле Клее».

20 августа (вт.).

После плотного завтрака я оставил Лиддона отдыхать и писать письма и пошел по магазинам и проч., начав с визита к г-ну Муиру в дом 61 по Галерной улице.

Я доехал до дома на дрожках, сначала сторговавшись с извозчиком, что он довезет меня за 30 копеек (он настаивал на 40). Когда мы приехали, последовала небольшая сцена, нечто новое в моем опыте общения с извозчиками. Когда я выходил, извозчик произнес «sorok» (40): это было предупреждение о надвигающемся шторме, но я не обратил на него внимания, вместо этого спокойно протянув 30. Он принял их с презрением и негодованием и, держа на раскрытой ладони, произнес яркую речь по-русски, в которой ключевое «sorok» было основной идеей. Женщина, стоявшая рядом с выражением изумления и любопытства на лице, возможно, его поняла. Я — нет, но просто протянул руку за 30, вернул их в кошелек и вместо них отсчитал 25.

Проделывая это, я чувствовал себя в некотором роде как человек, тянущий за веревку, открывающую душ, и эффект был очень похожим — его злость выплеснулась через край и полностью затмила все предыдущие пререкания.

Я сказал ему на очень плохом русском, что я один раз предлагал ему 30, но больше этого делать не буду: но это почему-то его не успокоило. Потом слуга г-на Муира обстоятельно и подробно повторил ему то же самое, и, наконец, вышел сам г-н Муир и в резкой и сжатой форме изложил ему суть, но извозчик так и не смог увидеть ситуацию в правильном свете. Некоторым людям очень трудно угодить.

Мы пообедали в прекрасном ресторане «У Борелла», на Большой Морской, где мы получили первоклассный обед, включая бутылку бургундского, за пять рублей.

21 августа (ср.).

Вскоре после завтрака к Лиддону пришел граф Pontiatine, который, услышав, что мы раздумываем о том, чтобы попытаться посетить Эрмитаж, чрезвычайно любезно вызвался повезти нас туда, и посетил с нами не только галерею, но и Зимний дворец, покои, предназначенные для принца Уэльского, часовню и проч., в которые не допускают обычных посетителей. На этот раз мы увидели отдел галереи, который пропустили в прошлый раз и который представлял особый интерес — «Ecole Russe»[11]. В нем были выставлены некоторые по-настоящему замечательные картины — гигантская «Воздвижение Моисеем медного змия» работы Бруни, которая, по приблизительным подсчетам, была 27 футов в ширину и 18 в высоту: грандиозность замысла и

удивительное разнообразие эмоций на лицах раненых и умирающих израильтян — религиозный экстаз, ужас, отчаяние — делает ее поистине эпическим полотном. Больше всего мне в память запала фигура силача, корчащегося в смертельной агонии в центре переднего плана, с блестящими кольцами змеиного тела, оплетающими его члены. Но, возможно, самая поразительная из всех русских картин — это морской пейзаж, недавно приобретенный и еще не получивший номера; она изображает шторм: на переднем плане плывет мачта погибшего корабля с несколькими уцелевшими членами команды, цепляющимися за нее, сзади волны вздымаются как горы, и их вершины обрушиваются фонтанами брызг под яростными ударами ветра, в то время как низкое солнце сияет сквозь более высокие гребни бледно-зеленым светом, который совершенно обманчив, в том смысле, что кажется, будто он проходит сквозь воду.

Я видел, как этот эффект пытались воспроизвести на других картинах, но никому не удавалось это сделать с таким совершенством.

Днем мы поднялись на вершину Исааковской церкви и получили большое удовольствие от открывавшегося вида этого восхитительного города. Лес белых домов с зелеными и красными крышами выглядел изумительно в прозрачном свете солнца. Мы пообедали «У Доминика» на Невском, а потом совершили прогулку по островам среди особняков высших сословий — прекрасные маленькие виллы с очаровательными садиками, со вкусом разбитыми вокруг; причем каждый цветок полагается заносить в дом перед началом зимы. Выбранный нами маршрут явно был очень модным — нечто вроде Роттен Роу[12].

22 августа (чт.).

В девять часов мы, по любезному приглашению г-на Мак-Суинни, поехали в Кронштадт, где провели весьма интересный день. Сначала он показал нам верфь и арсенал, и, хотя у нас не было достаточно времени, чтобы рассмотреть все в подробностях, мы получили весьма неплохое общее представление об огромном размахе производимых здесь работ и о ресурсах, имеющихся на случай войны: в арсенале (по которому нас любезно провел старший офицер) мы увидели довольно необычный трофей — пушку, взятую у англичан: она принадлежала канонерке «Стервятник»,— которую выбросило на берег и которая, таким образом, стала военным трофеем. Затем мы посетили «магнитную

обсерваторию» и были представлены ее начальнику, капитану Вьпавенечь. Он на некотором подобии английского дал нам пояснение теории и практики своего предмета, которое, как по мне, можно было сделать на древнеславянском; все это было вне моего понимания, и на прощание он любезно подарил нам свои книги на ту же тему — увы, книги на русском. Затем мы взяли лодку и поплыли на веслах через бухту, один раз высадившись на берегу, чтобы осмотреть колоссальную воздвигающуюся верфь; стены были сложены из массивных гранитных блоков, отполированных снаружи так, словно они должны были украшать внутренние помещения какого-нибудь здания, и один из этих блоков как раз укладывали на цементную подушку под руководством офицера, не без многочисленных криков и суеты. В общем это место чем-то напоминало муравейник: сотни рабочих, копошащихся на всем протяжении гигантского котлована, и постоянный звон молотков, эхом отражающийся со всех сторон. Это позволяет представить, как должно было выглядеть строительство одной из египетских пирамид. Верфь, должно быть, обойдется примерно в три с половиной миллиона рублей.

Позднее мы поднялись на колокольню домовой церкви г-на Мак-Суини и смогли прекрасно рассмотреть город. Мы пообедали у него дома, где он был вынужден нас оставить, поскольку его судно уходило раньше нашего. Ранее Лиддон отдал свое пальто, и, отправляясь в город, мы обнаружили, что его необходимо забрать у горничной, которая говорила только по-русски, и поскольку я оставил свой словарь, а в маленьком разговорнике не было слова «пальто», то мы оказались в некотором затруднении. Лиддон начал с демонстрации своего пиджака, сопровождая показ сильной жестикуляцией, включая процесс снятия его наполовину. К нашей радости, она как будто сразу поняла, что мы имеем в виду,— вышла из комнаты и через минуту вернулась с большой одежной щеткой. В ответ Лиддон попытался применить более наглядную демонстрацию — он снял пиджак и положил его к ее ногам, показал пальцем вниз (давая понять, что предмет его желаний находится в более низких сферах), улыбаясь и всем лицом выражая ту радость и благодарность, которые бы он испытал, получив желаемое, и снова надел пиджак. И еще раз проблеск разума осветил простые, но выразительные черты молодой особы: на сей раз она отсутствовала намного дольше, после чего принесла, к нашему ужасу, большую подушку и принялась готовить диван для легкого сна, которого, как она теперь ясно поняла, так не хватало этому глупому господину. Мне пришла в голову счастливая мысль, и я поспешно набросал рисунок, изображающий Лиддона в одном пиджаке, получающего

второй пиджак побольше из рук доброй русской крестьянки.

Язык иероглифов принес успех там, где оказались бессильны все другие средства, и мы вернулись в Петербург с унизительным осознанием того, что наш уровень цивилизации теперь сведен до уровня древней Ниневии.

23 августа (пт.).

Мы посвятили день различным занятиям. Встретились с секретарем графа Толстого (граф в отъезде) и посетили Троицкую церковь и Успенскую — обе очень красиво украшены. Мы также посетили армянскую церковь, которая отличается от греческих церквей тем, что в ней нет перегородки, скрывающей алтарную часть, или, точнее сказать, перегородка есть, но алтарь находится перед ней.

Расхаживая по городу, я заметил красивую фотографию ребенка и купил одну, небольшого размера, одновременно заказав отпечатать ее в полную величину, поскольку у них не было экземпляров без рамки.

Впоследствии я зашел, чтобы узнать, как зовут оригинал, и оказалось, что они уже отпечатали копию, но находились в большом сомнении относительно того, что им теперь делать, поскольку спросили об этом отца ребенка и узнали, что он не согласился, чтобы ее продавали. Разумеется, ничего не оставалось делать, как вернуть карточку, которую я уже купил: в то же время я оставил письменное подтверждение тому, что я ее вернул, выразив надежду, что мне все-таки позволят ее купить.

Мы также съездили на «Стрелку», чтобы посмотреть закат солнца, и, хотя оно почти уже зашло, когда мы приехали, нам все же посчастливилось насладиться прекрасной картиной: отсвечивающее багровым и зеленым чистое небо; зеркальная гладь залива, с легкой рябью в тех местах, где течение подходит близко к поверхности; темная линия противоположного берега с домами, почти черными на фоне неба; и одна или две лодки, лениво плывущие в весельных брызгах через темнеющий залив, словно какие-то неизвестные водяные птицы.

24 августа (сб.).

Если это возможно,— еще более сумбурный день, чем вчера.

Мы тщетно нанесли несколько визитов: посетили монастырь и одну или две церкви, которые не заслуживают какого-то особого отчета, кроме того, что в одной церкви стены внутри полностью увешаны военными трофеями, в то время как снаружи на равном расстоянии установлены пушки и само ограждение вокруг церковного двора представляет собой остроумную комбинацию пушек и цепей.

Вечером мы отправились обедать в ресторан Дюссо, но, после того как прождали пару минут, нам сообщили, что мы не сможем получить заказанный обед по весьма веской причине — в доме начался пожар! Вполне возможно, все дело было только в дымоходе, поскольку все погасили примерно за полчаса, но за это время собралась большая толпа и примерно с дюжину пожарных машин, которые прибывали чинно и неторопливо и в основном были примечательны своими исключительно маленькими размерами.

Похоже, некоторые из них переделали из старых водовозных телег. Тем временем мы сидели напротив, у Борелла, и, обедая, наблюдали всю эту сцену из окна, пока на входе толпились официанты, созерцавшие несчастье своих конкурентов с большим интересом, но, боюсь, без особо глубокого сочувствия.

После этого мы посетили вечернюю службу в Александро-Невском монастыре — одну из самых прекрасных служб, которые мне приходилось до этого слышать в греческой церкви. Песнопение было по-настоящему прекрасным и не таким однообразным, как обычно. В особенности мелодия одного фрагмента, который повторялся множество раз на протяжении всей службы (точнее, повторялась мелодия: слова, возможно, отличались), была настолько прелестной, что я с радостью послушал бы ее еще много-много раз. Там присутствовали два епископа, и, ближе к концу службы, один из них встал посреди храма с маленькой кистью (очевидно, погруженной предварительно в освященное масло) и стал чертить крест на лбах прихожан, когда они начали подходить к нему по одному; при этом каждый сначала целовал книги, лежавшие на столе, затем получал крестное знамение, а потом (во многих случаях) целовал руку епископу.

25 августа (вскр.).

За нами, как и обещал, заехал граф Pontiatine и отвез нас в своем экипаже в греческую церковь. Мы вместе с ним вошли в

алтарь и были представлены архимандриту, который совершал богослужение, и, поскольку служба велась на греческом, смогли проследить за нею с помощью книг, несмотря на произношение, и участвовать в ней на всем ее протяжении, кроме одного или двух отрывков, имеющих отношение к Деве Марии. После службы граф повез нас в Александро-Невский монастырь и показал находящуюся там Духовную академию, где обучаются около восьмидесяти юношей — будущих священников. Мы вернулись в этот монастырь в четыре, чтобы послушать службу, и провели вечер, прогуливаясь по берегу реки, и увидели Николаевский мост во всем величии заката с потоком людей, казавшихся черными точками, ползущими по линии, пересекающей багрово-зеленое море.

26 августа (пн.).

У нас оставалось время только на то, чтобы подготовиться к отъезду.

Пришел фотограф («Артистическая фотография», д. №4 на Большой Морской) и принес фотографии, поскольку отец мальчика, князь Golicen (?) разрешил их мне продать.

В два часа мы вошли в поезд, для того чтобы проделать утомительное путешествие в Варшаву, и оказались в одном вагоне, хотя и в разных купе с Хантами, которые направлялись в Берлин, так что до Вильны, куда мы добрались в шесть вечера, мы ехали вместе. Вечером мы ходили друг к другу в гости, и тут пригодились мои дорожные шахматы[13]. У нас не было спальных принадлежностей, но, поскольку вагон был почти пустым, мы очень неплохо устроились.

27 августа (вт.).

Мы прибыли в Варшаву около шести вечера и, взяв извозчика, направились в «Отель д’Англетер», явно третьесортное заведение. В нашем коридоре обитает высокая и очень дружелюбная борзая, которая входит в комнату каждый раз, стоит только двери приоткрыться на одну-две секунды, и которая поставила под угрозу плоды трудов коридорного, который носил воду, чтобы наполнить ванну, поглощая воду с такой же скоростью, с какой он ее носил.

28 августа (ср.).

Мы провели день, слоняясь по Варшаве, и посетили несколько церквей, в основном католических, в которых наличествовали помпезные признаки богатства и дурного вкуса, в виде обильной позолоты и груд (их вряд ли можно назвать группами) уродливых мраморных младенцев, якобы изображающих херувимов. Но было и несколько неплохих Мадонн и проч. в виде запрестольных образов. Сам же город в целом — один из самых шумных и грязных из тех, в которых я до сих пор побывал.

29 августа (чт.).

Будильник поднял нас в четыре, кофе и рогалики принесли в пять, а к половине седьмого мы были на пути в Бреслау, куда приехали в половину девятого вечера. Было приятно наблюдать, как местность становится все более обитаемой и культурной по мере того, как мы все дальше продвигались на территорию Пруссии: свирепый, грубоватый на вид русский солдат сменился более мягким и вежливым прусским; даже сами крестьяне, казалось, были на порядок выше, в них чувствовалось больше индивидуальности и независимости,— русский крестьянин, с его мягким, тонким, часто благородным лицом, более напоминает мне покорное животное, давно привыкшее молча сносить грубость и несправедливость, чем человека, способного и готового постоять за себя.

Мы решили остановиться в гостинице «Золотой Гусь» и, по прибытии, обнаружили, что, хотя это и не кладезь золотых яиц, тем не менее, заведение действительно «достойное золотых мнений от самых разных людей».

30 августа (пт.).

Мы посвятили утро, наполненное прозрачным солнечным светом и чудесным, ароматным воздухом, прогулке по прекрасному старому городу и посещению церквей, в основном примечательных своими идеальными пропорциями; их огромная

высота придавала кирпичным башням, контрфорсам и узким окнам красоту, совершенно не нуждающуюся в каких-либо украшениях.

Мы посмотрели на церковь св. Марии Магдалины, затем св. Христофора, затем св. Доротеи, которая отличается гигантской высотой; мы попытались обойти ее вокруг, но обнаружили, что из находившегося за храмом огороженного двора нет выхода — он, очевидно, служил игровой площадкой школы для девочек и был весьма соблазнительным местом для применения фотографической камеры: после русских детей, чей тип лица, как правило, безобразен и, в виде исключения, просто некрасив, испытываешь облегчение, снова оказавшись среди немцев, с их большими глазами и тонкими чертами.

После св. Доротеи мы прошли через «Кольцо» (большую площадь с весьма живописной ратушей и другими зданиями и статуями посередине и чрезвычайно милой серией изящных старинных фронтонов вокруг, ни один из которых не повторяется) к церкви св. Елизаветы, где совершили изнурительный подъем на самую высокую башню в Пруссии и были вознаграждены за это великолепным видом города и окрестности с извилистой лентой Одера.

Днем Лиддон один посетил несколько церквей, поскольку я не совсем хорошо себя чувствовал, чтобы продолжать прогулку, а вечером мы поехали в «зимний сад» и немного послушали концерт на открытом воздухе, которые так любят немцы.

31 августа (сб.).

Мы поднялись на башню Kreutzkirch, с которой смогли увидеть как на ладони весь Бреслау, а также посетили новую католическую церковь св. Михаила, которая находится в процессе возведения, а днем Август — Сентябрь выехали в Дрезден, прибыв в «Отель де Сакс» около половины одиннадцатого вечера.

1 сентября (вскр.).

Поскольку в путеводителе и на карте указаны три английские церкви, две из которых, вне сомнения, сектантские, я ни в одну из них не пошел. Лиддон отправился в католическую церковь, и я присоединился к нему на несколько минут, чтобы послушать

музыку. Мы посетили некоторые из садов, в которых, судя по всему, везде господствует принцип: попытаться загнать людей в сады, принадлежащие кафе (где нужно платить за вход); в результате в общественных садах можно найти только несколько скамеек без спинки.

2 сентября (пн.).

Утром мы побывали в огромной картинной галерее. Двух часов созерцания для меня было вполне достаточно: их вполне можно было посвятить одной только великой «Сикстинской Мадонне».

Днем мы погуляли по городу, а потом я пошел в театр в «Королевском саду», откуда мне пришлось шагать домой пешком примерно с милю (частично по пересеченной местности) в темноте, и я, понятное дело, заблудился.

Представление (за исключением игры актеров, которая была такой же, как и везде) было замечательным. Я вошел в зал после начала второй пьесы, и первым необычным моментом, который я заметил, было то, что зал встретил опускавшийся занавес полным отсутствием аплодисментов: жутковатое впечатление от этой тишины оркестр даже не попытался как-то сгладить. Оркестранты, похоже, не особенно утруждались — они вообще ничего не делали, кроме как поправляли лампы над пюпитрами. Когда же они все-таки начали играть, что произошло лишь тогда, когда действие закончилось и в течение пяти или десяти минут стояла ужасная тишина, можно было только пожалеть, что они не продолжают заниматься своими лампами, поскольку музыка была такой унылой и зловещей, какой я еще никогда не слышал ни в театре, ни за его пределами. Вечер завершился «Чудо-фонтаном», ради которого весь театр был погружен в полную темноту (Вопр.: Есть ли в Дрездене карманники?), и мы увидели круг струй с фонтаном посередине, освещенные светом, цвет которого постоянно менялся и производил весьма приятный эффект, который, однако, вполне под силу магическим фонарям и «хроматоскопам»; затем фонтан в центре стал постепенно опускаться и исчез, а вместо него появились, по очереди, Аполлон, Время и группа фигур, поддерживающих фонтан поменьше. Каждый из этих феноменов, после появления, совершал один медленный поворот вокруг своей оси, словно на вертеле, и это, судя по всему, было кульминацией вечера: по крайней мере это пробудило терпеливую, если не сказать

пассивную, аудиторию и вызвало у нее самый живой восторг, который они когда-либо испытывали; последовал почти такой же шквал аплодисментов, каким английская публика встретила бы один-единственный спич.

3 сентября (вт.).

Мы еще раз, очень быстро, посетили картинную галерею, чтобы посмотреть знаменитую «La Notte» Корреджио, о которой я не могу сказать ничего, что улучшило бы мою репутацию как критика, а днем выехали в Лейпциг, куда добрались как раз вовремя, чтобы успеть совершить вечернюю прогулку, обойдя старый город по кругу через ряд садов, густо засаженных деревьями. Остановились мы в гостинице «De Prussie».

4 сентября (ср.).

Времени оставалось только на прогулку по городу, ничем особенным не примечательную, и посещение замковой башни, с которой «кастелян» показал нам различные объекты, известные своей связью с великими битвами,— и, в частности, здание, где состоялось великое богословское сражение между Лютером и Экке.

Затем мы отправились в Гессен, где остановились на ночь в гостинице «Раппе», а рано утром заказали завтрак услужливому официанту, который говорил по-английски.

«Кофе!» — радостно воскликнул он, хватаясь за это слово, словно это была по-настоящему оригинальная идея. «Ага, кофе — очень хорошо. И яйца. Яйца с ветчиной? Очень хорошо». «Если можно, жареные»,— сказал я.

«Вареные?» — повторил официант с недоверчивой улыбкой. «Нет, не вареные,— пояснил я,— жареные». Официант отмахнулся от этой разницы, как от несущественной. «Да, да, ветчина»,— повторил он, возвращаясь к своей излюбленной идее. «Да, ветчина,— сказал я,— но как приготовленная?» «Да, да, как приготовленная»,— повторил официант с беззаботным видом человека, который соглашается на предложение скорее из добродушия, чем действительной убежденности в его необходимости.

5 сентября (чт.).

К полудню мы добрались до Эльма после бедного событиями путешествия, маршрут которого, впрочем, пролегал по весьма интересной местности: долины, извивающиеся во всех направлениях между холмами, укрытыми деревьями до самых вершин, и белые деревни, гнездящиеся везде, где есть подходящее укрытие. Деревья были такими маленькими, такими одинаковыми по цвету и росли такими сплошными массивами, что более отдаленно холмы казались берегами, поросшими мхом.

По-настоящему необычной деталью ландшафта было то, как старые замки как будто росли сами по себе, а не были возведены человеком, на вершинах скалистых выступов, которые то и дело высовывали свои головы среди деревьев. Я никогда еще не видел архитектуру, которая бы столь гармонировала с духом места. Похоже, что, движимые каким-то неуловимым инстинктом, старые архитекторы выбирали и форму, и цвет, компоновку башен с их остроконечными шпилями и два нейтральных оттенка, светло-серый и коричневый, для стен и крыш, чтобы создать здания, которые выглядели такой же естественной частью местности, как вереск или колокольчики. И, подобно цветам и камням, они, казалось, излучали лишь покой и тишину.

Мы направились в «Отель д'Англетер» и провели остаток дня в прогулках по этому очаровательному месту, где людям нечем заняться и где у них есть целый день, чтобы заниматься ничем. Несомненно, это место предназначено для полного наслаждения бездельем.

Мы сходили на вечерний концерт и обнаружили, что в соседнем помещении идет игра («красное и черное» и проч.), и для людей новых смотреть на это было очень интересно. На лицах игроков почти ничего не отражалось, даже когда они проигрывались в пух и прах; если же что-то и мелькало на их лицах, то лишь на мгновение, но возникающее тогда выражение было более интенсивным из-за того, что его пытались подавить.

Женщины представляли более интересное и поэтому более печальное зрелище, чем мужчины: некоторые пожилые, некоторые довольно молодые, все, полностью поглощенные этим занятием, с зачарованным выражением на лицах, словно беспомощные создания, загипнотизированные взглядом хищника.

6 сентября (птн.).

Мы отправились из Эльма слишком рано, примерно около десяти утра, и на пароходе добрались по Рейну до Бингена. Погода была просто великолепна, и, хотя у нас были билеты на корму судна (которая в теории, для меня непонятной, считается самым роскошным местом на корабле), я провел все время (четыре или пять часов) на носу, наблюдая за вереницей картин, которые открывались по мере того, как мы шли по реке, петлявшей среди холмов.

Разумеется, в ландшафте присутствовало сильное однообразие, если не сказать монотонность,— множество крутых остроконечных холмов, редко покрытых виноградниками или маленькими деревьями; кое-где можно было увидеть деревню, прилепившуюся у подножия скалы, или замок, возвышающийся на утесе, чрезвычайно странной формы, обычно подсказанной очертаниями утеса (то, что парижские продавцы назвали бы «extraordi-naire, forće» архитектурой). И тем не менее это был один из тех видов, которые не скоро надоедают. В Бингене мы провели ночь в отеле «Виктория» и рано утром сели на поезд, чтобы проделать последний отрезок нашего путешествия, и прибыли в Париж только почти в десять вечера.

8 сентября (вскр.).

Я пошел в церковь г-на Арчера Гурни и прослушал эксцентричную, но очень интересную проповедь. По дороге туда я столкнулся с Торли из Уэдхема и договорился погулять с ним после обеда. Мы прошли по садам Тюильри и Елисейским Полям и вышли в Булонский лес, по которому можно получить неплохое представление о том, насколько красиво в парижском предместье и сколько парков, садов, водоемов и проч. в этом прекрасном городе. После этого я больше не удивляюсь, что парижане называют Лондон «triste»[14]. Вечером мы все втроем поужинали в «Diner Européen», а затем посетили церковь г-на Гурни.

9 сентября (пн.).

Мы провели день на Всемирной выставке, где я почти ничего не посмотрел, кроме картин, но получил редкое удовольствие от современного искусства; там была очень большая коллекция, в которой практически не было плохих картин или статуй. Я не

буду пытаться брать на себя невыполнимую задачу и описывать хоть какую-то из них, но просто упомяну имя Карони из Флоренции, чьи работы поразили меня своей исключительной красотой: они называются «L'Amour vainquer de la Force» («Ребенок, играющий со львом»), «Esclave au marche» и «Офелия» — все в мраморе.

Последняя скульптура из той сцены безумства, когда она раскидывает вокруг себя цветы. Конечно, французские картины были самыми многочисленными, но также (что отнюдь не было само собой разумеющимся) самыми лучшими. Наши же художники, похоже, почти соперничали друг с другом, посылая второсортные картины. В маленькой коллекции американских картин есть несколько вполне замечательных.

Вечером мы с Торли посетили «Тййtre Vaudeville», чтобы посмотреть «La Famille Benviton»,— великолепно сыгранная пьеса, каждая часть без исключения была хорошо и филигранно сыграна.

10 сентября (вт.).

День без особых событий.

Я встретил Чандлера и Пейджа и гулял по городу, сначала с ними, а потом один, покупал фотографии, пока не оказалось, что уже поздно идти на Выставку. Мы с Лиддоном поужинали в обычном месте и потом пошли на военный концерт под открытым небом на Елисейских Полях.

11 сентября (ср.).

Поскольку Лувр — слишком большая по размерам гостиница, чтобы чувствовать себя там уютно, мы с Пейджем совершили инспекционную прогулку по целому ряду других отелей, закончив на том, что рекомендовала г-жа Хант,— «Нйtel des Deux Mondes», который показался нам лучше остальных и в котором мы сняли пару номеров. Днем я еще раз посетил Выставку и вернулся на обед в свое новое обиталище, обеденная зала которого служит также и рестораном, причем весьма недурным.

12 сентября (чт.).

Хождение по магазинам, потом снова Выставка. Мы побродили по территории, окружающей Выставку, и прошли мимо павильона, из которого доносилась китайская музыка, заплатили полфранка за вход и послушали ее поближе; и, конечно, разница между слушанием внутри и снаружи стоила полуфранка — только снаружи было приятнее. Это была такого рода музыка, которую, однажды услышав, никогда больше не пожелаешь услышать…

Мы компенсировали этот эпизод вечером, пойдя в «Орйra Comique», чтобы послушать «Миньон» — весьма симпатичный спектакль, с очаровательной музыкой и пением,— при этом героиня, мадемуазель Галли-Мари, внесла весьма большой вклад в обе сферы прекрасного.

13 сентября (пт.).

Бродили по городу и делали покупки: днем я пошел в монастырь св. Фомы, на рю де Севр, чтобы попытаться достать бальзам от невралгии тройничного нерва, который готовят тамошние монахини.

Я переговорил с двумя из сестер, и старшая, которая, похоже, была главнее, заверила меня на очень беглом французском, большую часть которого я не понял, что они никогда его не продают и только лишь раздают его своим собственным беднякам. Поскольку этот случай, судя по всему, относился исключительно к разделу «пути распределения мази», я уже почти готов был в отчаянии отказаться от своей цели, однако присутствовало указание на возможность использования другого процесса ее получения, и после долгих хождений вокруг да около я сказал: «Значит, вы не можете мне его продать, но дадите и позволите мне дать что-нибудь для ваших бедняков?» «Oui.

Certainment!»[15] — с готовностью подтвердила сестра, и таким образом тонко замаскированная сделка наконец состоялась.

В семь часов вечера я выехал из «Отель Де Монд» и направился в Кале, куда добрался после мирного и сонного путешествия примерно в два часа ночи. У нас был замечательно гладкий переход и ясная лунная ночь, для того чтобы им наслаждаться: луна сияла во всем своем великолепии, словно наверстывая упущенное во время своего затмения, которое ей пришлось перенести четырьмя часами ранее; я оставался на носу судна большую часть перехода, иногда болтая с вахтенным

матросом, а иногда наблюдая, в течение последнего часа моего первого заграничного путешествия, огни Дувра, когда они начали медленно расти на горизонте, словно милая отчизна раскрывала объятия, принимая своих спешащих домой детей, пока огни эти наконец не застыли, превратившись в два маяка на утесе, пока то, что долго было лишь мерцающей линией на темной воде, словно отражение Млечного Пути, не обрело форму и плоть, превратившись в огни стоящих на берегу домов, пока неясная белая линия за ними, которая сначала выглядела дымкой, ползущей по горизонту, не превратилась наконец в сером сумеречном свете в белые утесы старой Англии.

notes

Примечания

1

Очень простой (фр.).

2

Von Liegnitz.

3

Рисунок не сохранился (прим. ред.).

4

Он не говорит по-английски; он не говорит по-немецки (нем.).

5

Иконостас.

6

В оригинале место пропущено.

7

В оригинале фамилии приведены русскими буквами.

8

Имеется в виду сцена, иллюстрирующая фразу: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?» (Лука, 6:41142).

9

Хоругви.

10

В оригинале пропущено.

11

Русская школа (фр.).

12

Аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке.

13

Именно Кэрролл изобрел карманные, или дорожные шахматы.

14

Печальный, унылый (фр.).

15

«Да. Конечно» (фр.).